

ГЕРОИЧЕСКАЯ



ФАНТАСТИКА

ДОБРОВОЛЕЦ

На Великой
войне



СЕРГЕЙ
БУТКО

Сергей Васильевич Бутко

Доброволец. На Великой войне

Серия «Героическая фантастика»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48677119
Доброволец. На Великой войне: Эксмо; Яуза; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105108-2*

Аннотация

Отправившись в служебную командировку, наш современник журналист Михаил Крынников попадает в автомобильную катастрофу. Придя в себя, он обнаруживает, что оказался перенесен в прошлое. Декабрь 1914 года, идет Первая мировая война, позже названная «Великой».

Отправившись на фронт добровольцем, Михаил постепенно привыкает и вживается в реалии начала двадцатого века, участвует в боевых действиях, становится бойцом разведроты.

Однако через полгода Крынников замечает, что события происходят не так, как он помнит, – кто-то могущественный явно пытается изменить ход истории. Кто же этот неизвестный? Удастся ли Михаилу помешать его планам? И какое будущее ждет добровольца на Великой войне?!

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	77
Глава 9	89
Глава 10	98
Глава 11	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Васильевич Бутко

Доброволец

На Великой войне

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бутко С. В., 2019

© ООО «Издательство „Яуза“», 2019

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Часть I

Глава 1

– Евгений Валерьевич, можно?

– Проходи, Гена, проходи... Ну, рассказывай, как обстоят дела с нашей «Форточкой»?

– Все в норме. Работаем как обычно в штатном режиме, происшествий нет.

– Ясно... А что насчет оптимального контура? Вычислили его уже всезнайки из аналитического?

– Обещали окончательно рассчитать примерно через недельку.

– Недельку?.. Х-м-м-м... Неделька – это много, а у нас комиссия на носу, и если приедет не Мухин, а Гараев, то... Сам понимаешь, в какой мы тогда заднице все разом окажемся. Им там наверху результат подавай, и поскорее, а то, что с историей различные манипуляции проделывать дело опасное, начальству совершенно по барабану. Бюрократы, мать их!

Ладно, хватит скулить. Как поживают ряженные из «Штыка»? Убираться не собираются?

– Завтра отыграют свой цирк, и все.

– Ну, хоть одна хорошая новость за день. Только смотри, Гена, чтобы цирк прошел без задержек. Нам свидетели

лишние не нужны, а эти очень даже могут влезть и наломать дров.

– И пусть лезут, не жалко. Вы же знаете, что сфера перехода взаимодействует только с исходным кодом, а пришлый – на атомы и с концами.

– На атомы – это хорошо. Атомы говорить не могут...

Наверное, такой, ну или примерно такой разговор происходил в каком-нибудь сверхсекретном кабинете без таблички на двери. Конспираторы хреновы. Конечно. Куда им до мнения простых букашек-таракашек, когда тут вершатся дела государственной важности. Букашек не жалко. Зачем их спрашивать, когда букашки сами в паутину сунулись, вместо того чтобы в норке сидеть и помалкивать?

Но это уже сугубо организационный момент, о котором я понятия не имел. Впрочем, я несколько забегаю вперед, когда следовало бы рассказать все по порядку.

Итак, жил-был...

Нет, не пойдет. Это уже на сказку больше похоже. Но если как следует узнать все произошедшее со мной за последнее время, поневоле в сказку поверишь. Очень уж невероятной оказалась череда неожиданных и чудесных событий, в один миг перевернувших все с ног на голову.

Прошу прощения, совсем забыл представиться. Михаил Иванович Крынников. Тридцать пять лет от роду. Живу и работаю в небольшом городишке Н... Нижегородской области, являясь штатным корреспондентом местной газеты «Утрен-

няя строка». Образование – высшее, гуманитарное. Семейное положение: разведен, есть сын и дочь. Увлечения: чтение художественной и научной литературы, умеренные блуждания в дебрях Интернета, прогулки на природе. Отношение к вредным привычкам нейтральное. В общем, все как в мультике про Карлсона: «Умный, красивый, в меру упитанный мужчина, ну в полном расцвете сил!» Живу, работаю, ищу счастье и правду, а заодно и интересные материалы для родной газеты.

Кстати, об интересных материалах. Все началось именно с них и обычного, в чем-то даже будничного разговора, случившегося одним ясным апрельским утром.

* * *

«Фраза начальника: „У меня появилась интересная, перспективная идея!“ – верный признак того, что у вас появилась нудная, бестолковая работа».

Читая как-то в журнале эту шутку, я еще не знал, что для меня она однажды станет явью. Идей у шефа и в самом деле много, но одна переплюнула остальные. А с учетом того, что шеф, будучи заядлым охотником, в минувшие выходные вернулся с охоты «по перу» без добычи, настроение у него было соответствующее.

«Вот что, Миша, – сказал он мне, отложив в сторону лист с очередным подписанным приказом, – газета у нас, конеч-

но, интересная, но надо бы добавить кое-что. Ты сейчас в редакции самый свободный, а потому есть для тебя задание».

В служебных командировках я бывал, и не единожды. Но в основном ездил в наши, так сказать, «пригороды», где вместе с Николаем, Аллой и Татьяной погружался в реалии и прелести сельской жизни. А тут получил командировку дальнюю, в Подмоскowie к реконструкторам. Это такие ребята, которые на досуге надевают, к примеру, стальные латы и шлемы, берут в руки мечи, щиты, копья и бьются, как прашуры когда-то бились. Уж не знаю, где об этом «Штыке» шеф узнал, но только материал требовал добыть незамедлительно.

«Там недолго, – уверял он меня. – Доедешь, посмотришь, расспросишь, что да как, снимки сделаешь и домой».

Недолго, может быть, и недолго, но когда у вас на носу дачно-огородный сезон и к тому же ремонт в доме планируется, то каждый день ценен.

«Ну ладно, съезжу, – подумал я тогда, – если все пройдет хорошо, то к майским управлюсь». Я по жизни оптимист, чего и вам желаю.

Командировочные были оформлены, билет куплен, всех об отъезде предупредил, обычная холодная беседа с Ольгой состоялась, обещания Славику и Даше привезти что-нибудь из Москвы даны. Вроде бы все. Ничего и никого не забыл.

Глядя на лица родных и близких мне людей, я тогда еще не знал о том, что же произойдет со мной дальше. О, если

бы мы могли предвидеть будущее! Я, увы, не мог и потому ехал в неизвестность, как всегда пугающую, но в то же время и манящую.

* * *

До Москвы добрался поездом, попутно изучая все то, с чем мне предстояло работать. Был у «Штыка» свой сайт, но информации там скопилось немного. Сообщество молодое, год всего действует, специализируясь на реконструкции сражений и войн дореволюционной России начала двадцатого века. Сейчас, например, репетируют «Битву при Ковеле 1916 года», планируя разыграть ее в предстоящем июле.

А вот фото у них полно. Глаза болели от эдакого многообразия. И чего тут только нет. Обмундирование, амуниция, оружие... «Ружье-пулемет Льюиса. 1915 год», – прочитал я под очередным снимком. Перед мысленным взором мгновенно возник красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни», а вместе с ним пулеметные очереди, басмачи, падающие с лошадей на песок, и отчаянный крик: «Верещагин, уходи с баркаса!»

Но это киношный эпизод из культового фильма о Гражданской войне, а «Льюис» на фото, если верить надписи, из другой войны – Первой мировой. Что я о ней знал? Пять лет назад, когда приближался ее столетний юбилей, начал изучать, читал соответствующую литературу на эту тему, блок

статей даже приготовил. И вот теперь я усиленно вспоминал все мне известное. Формально началась в июне тысяча девятьсот четырнадцатого с сараевского покушения, а официально завершилась через пять лет Версальским мирным договором. Для Российской империи вступление в эту войну не принесло ничего хорошего, выиграть не выиграли, а в итоге получили две революции, развал государства, Гражданскую, интервенцию, террор, экономическую разруху. Скверно тогда все вышло. Но теперь, как ни крути, мне предстояло писать о людях, воссоздающих реалии Первой мировой уже в нашем двадцать первом веке. Работа и в самом деле интересная.

На Казанском вокзале меня уже ждали. Мрачноватые такие, угрюмые парни лет семнадцати-восемнадцати по имени Алексей и Кирилл Бакунины. Братья. И к тому же неразговорчивые. Кирилл пробурчал, что весь инструктаж будет на месте. Ну, как скажете, господа прапорщики (это у них «звания» такие в сообществе), как скажете.

Мы проехали на метро до Белорусского вокзала, а затем пересели на электричку, чтобы добраться до подмосковного Тучково. Дальше на машине. Джип подпрыгивал на весенних кочках и ухабах, а разговор все не клеился, несмотря на мои энергичные старания и богатый коммуникабельный опыт. Если в «Штыке» все такие же молчуны и нелюдимы, как Бакунины, то работать будет ох как трудно.

А кругом такая красота, что хоть сейчас на пикник! Сол-

нышко светит, лес шумит, природа пробуждается... и тут БАЦ! Неожиданность в виде яркой вспышки, окрасившей все вокруг в малиновый цвет!

Резкий толчок! Удар! Чернота небытия!

«Что за ...?!» – только и успел подумать я, резко проваливаясь в эту черноту. Съездил, называется, в командировку.

Глава 2

Знаете ли вы, как рвутся германские крупнокалиберные артиллерийские снаряды, прозванные в царской армии «чемоданами»? Вот и я не знал до поры до времени, а происходит это так: сначала слышен где-то тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает гудение приближающегося снаряда, слышится хрипящее «хрр-о-о...»... все ближе и ближе... на миг звук замирает, а вместе с ним замирают слух с дыханием... и затем «тра-а-ах!» – взрыв. Мерзлая земля взмывает вверх вместе с огнем и дымом в виде столба, разрушающего все, что было живого и неживого в радиусе нескольких метров.

Боль. Нестерпимая, острая, адская боль резко вырвала меня из черноты. Двигаться не могу, говорить тоже, из-за звона в ушах ничего не слышу. Только вижу и чувствую.

Морозно. Перед глазами пасмурное, затянутое тучами небо, как будто сжатое с боков двумя стенами с досками, покрытыми инеем. Больше похоже на яму. Или могилу?!

Где я?!! Где?!!

Снова забытье, и снова боль огненными клешнями тащит меня из этого омута. Страшно жжет спину и ноги. Как кипятком ошпарило.

– На стол! – едва слышу я сквозь звон и вижу перед собой забрызганные кровью белые халаты. Значит, все-таки ава-

рия? Не доехали мы с прапорщиками до места, врезались во что-то и теперь в больнице валяемся. Уже неплохо. Живой хотя бы. Ну, сейчас будут оперировать. Несколько сильных рук немилостиво прижали меня к операционному столу, живот уперся во что-то металлическое. По спине водят чем-то холодным, а после... Суки!! Хватит ковыряться в ранах!! Хватит!!!

Но кто меня слушает и слышит? Я сейчас выгляжу не лучше сломанной куклы или рыбы, выброшенной на берег. От боли снова в глазах темнеет. Да сколько же это изуверство будет продолжаться? Из одной черноты перемещаюсь в другую. Слух постепенно восстанавливается. Слышу хрипы, стоны, ругань, бормотание. Рядом раздается женский голос:

– Болит, Егорушка?

– Покачай, бога ради, мочи нет, – сипит кто-то в ответ.

Шаги, шарканье, снова голос – на сей раз грубый, хриплый, мужской. Опять разговоры:

– Вы дежурная сестра?

– Я.

– Вскипятите шприц. Вычеркните из списка Силантьева Тимофея и...

– Сестрица! Сестрица! Ох, ох, родимая! Мочи нет терпеть! Царица небесная, да за что мне такие муки адовы!!

Боль уже не так донимает, как раньше, но двигаться и говорить по-прежнему не могу – приложило меня обо что-то, судя по всему, достаточно хорошо. Зато могу размыш-

лять, немного успокоившись и перестав паниковать. Что же за хрень все-таки со мной произошла? И какие кипяченые шприцы в больнице, когда уже давно пластиковые и одноразовые повсеместно используют? Может, это не больница, а обычный сельский ФАП? Хотя в ФАПах тоже медицина на месте не стоит. Да еще и этот шибко верующий рядом воеет так, что хоть беги куда подальше. Но даже он не смог помешать желанию уснуть, а спать мне хотелось страшно. И я уснул с надеждой разобраться со своим теперешним не слишком-то обнадеживающим положением уже утром. О «параличе» и «немоте» я старался тогда не думать.

* * *

Проснулся я оттого, что меня кто-то покачивает. Вижу дощатый, будто бы вымазанный белой краской потолок и лицо склонившейся надо мной девушки. Смешная, курносая. Медсестра, наверное? Но как-то странно одета: голова повязана белой косынкой, нелепое серое платье с огромным красным крестом на груди. Что за маскарад в больнице? Непонятно.

А девушка меж тем нежно сюсюкает и тискает меня, будто я маленький:

– Ну, потерпи, потерпи немножко. Скоро доктор придет. Терплю. Куда денешься, когда все равно как бревно – ни двинуться, ни сказать ничего нельзя. А вот и доктор. Внеш-

не очень похож на покойного Евстигнеева, когда тот играл профессора Преображенского в «Собачьем сердце». А я тогда кто? Наверное, Шарик?

«У-у-у-у-у-гу-гугу-уу! О, гляньте, гляньте на меня, я погибаю! Вьюга в подворотне ревет...»

Ничего не скажешь, сравненьице.

А может, я уже в «Калабуховском доме» на Пречистинке? Прооперирован, снабжен новыми мозгами и готов выдать свой первый «абырвалг!»?

Веселюсь, а вот доктор серьезен:

– Ну-с, голубчик, как у нас дела?... Так-с. Все еще последствия контузии дают о себе знать. Говорить можешь? Если «да», то моргни один раз. Если «нет», то два... (Моргаю дважды.) Так-с. А двигаться? Пальцами шевелим, это хорошо. Повезло тебе, братец. Несказанно повезло. Один «чемодан», три осколка и не особо опасные последствия. Жить будешь. Лариса Анатольевна, не забывайте менять ему повязки.

– Павел Рудольфович, – рядом раздается женский голос, – полостных привезли.

– Много?

– Трех.

– С пополнением вас, многоуважаемые коллеги, будем принимать. – Доктор проворчал еще что-то себе под нос и быстро ушел. Снова начались сюсюканья медсестры, и снова новые вопросы не давали мне покоя. Как разобраться в них, я тогда еще не знал, даже несмотря на умение работать

с информацией.

Вскоре сами собой вспомнились и пришли на выручку энергетические практики – одно из увлечений юности. О, я в ту пору прочел не одну книгу по дзен-буддизму, заодно практикуясь в боевых искусствах и отрабатывая всевозможные упражнения «мягкого» и «жесткого» цигун. Бывало, стоишь в «стойке всадника», глаза выпучены, ноги трясутся от напряжения, а рука тянется вперед, сжимает «тигриной лапой» трехлитровую банку с песком, ни дать ни взять великий шаолиньский монах в желтых спортивных штанах. Два раза «Ку!».

И медитация, куда уж без нее. Штука хоть и нудная, но полезная. Особенно когда обладаешь достаточным терпением и вниманием. При должном настрое может помочь, когда трудно. Мне, во всяком случае, помогла.

* * *

Не зря, ох не зря дети любят сказки. Все в сказках идеально, превосходно, чудесно. Был Иванушка-дурачок, а стал Иван-царевич. И дары ему на блюде с голубой каймой: то старичок-лесовичок клубок волшебный подкинет, то Баба-яга ванно-банно-застольно-постельные процедуры организует. И меч-кладенец в руках, и Серый Волк оседлан, и Василиса Прекрасная с царством в придачу. К-р-а-с-о-т-а!.. Это сказка, а есть просто перемещения. Во времени, на-

пример. Был «здесь», а затем – раз, и сразу «там». Получите принудительную путевку в прошлое или будущее.

Для одних такое событие – счастье, для других – горе, третьим вообще по барабану – ну забросило и забросило, чего орать и плакать-то?

Медитировал я, как всегда, неспешно. Пятнадцать минут концентрации со спокойным дыханием, и результат не заставил себя ждать. А результат такой, что разом подходящие строки вспоминаются:

Повезло. Наконец, повезло.

Видит бог, что дошел я до точки:

Самосвал в тридцать тысяч кило

Мне скелет раздробил на кусочки...¹

Вот и у меня получилось почти по классике жанра. Если, конечно, не считать принудительного темпорального перемещения в начало двадцатого века, в тысяча девятьсот четырнадцатый год. Совпадения сплошные, и от них не по себе. Хотел узреть реконструкцию реалий Первой мировой, а получилось нечто гораздо большее: угодил прямиком на эту войну, очутившись в чужом теле. Интересно, «перебросило» ли сюда вместе со мной Бакуниных? А что с моим прежним телом стало? Кто я вообще теперь? А вот кто. Прошу любить и жаловать – Мишка Власов. Тринадцати лет от роду. Сиро-

¹ Песня В. С. Высоцкого «Баллада о гипсе» (здесь и далее примеч. автора).

та из Питера. Служит и воюет на Северо-Западном фронте в двести двенадцатом Романовском пехотном полку малолетним добровольцем.

Здравствуй, тезка! Не ожидал? И я, признаться, тоже. Еще бы, когда такая занятная ситуация образовалась: в тело тринадцатилетнего мальчишки «подселили» здоровенного тридцатипятилетнего мужика, еще не знающего, что мальчишка тоже далеко не прост – не обычная городская шпана, а эдакий чеховский гимназист Чечевицин (сиречь «Монтигомо Ястребиный коготь», вождь непобедимых). И хотя Мишка в Америку не сбегал, по дороге сражаясь с тиграми и дикарями и имея в запасе пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег, все же натурой он оказался не менее беспокойной, раз на фронт попал и там удержался.

Страшно корбило от фамилии. Стоит только произнести «Власов», как перед глазами тут же возникает образ иуды-генерала, с потрохами продавшегося фашистам. Правда, того Власова Андреем звали, и до своего главного предательства ему еще расти и расти, но все же осадок в душе у меня оставался.

Память у Мишки Власова оказалась дырявой. А может быть, это я виноват: без спроса влез, поглотил и теперь энергично перевариваю все то, что осталось от прежнего владельца? А осталось, видимо, не так уж и много, лишь несколько воспоминаний-картин.

Картина первая. Обычный питерский двор. Гимназисты играют в футбол. Один из них посматривает на окно второго этажа многоэтажки. Вскоре оттуда выглядывает девушка. Потягивается, зевает, поправляет прическу, улыбается гимназисту: «Мишенька, зайдите ко мне на минуточку». Еще один мой тезка от смущения рдеет и, поднимая глаза, отвечает: «Вы же видите, я занят. Играю в футбол».

«Тогда подставьте свою фуражку. Я вам что-то брошу», — с нежностью почти прошептала она. На сей раз гимназист не отказывается, и в фуражку летит маленький сверток, перевязанный ленточкой: шоколадка и подарок влюбленному пареньку.

Но это пока мирное время, а вот и военные будни.

Картина вторая. Питер шумит и безумствует. Невский проспект переполнен народом. Толпа с портретом государя, уже забросав камнями редакцию немецкой газеты «Цейтунг» и стоящие рядом немецкие магазины, движется теперь по Морской к германскому посольству. Повсюду крики, брань, негодование:

– Долой ненавистный германский герб! Долой безнравственные фигуры!

– Что вы держите нас?! Немцы бросали камни в наше посольство еще до объявления войны! Валяй, братцы!

Знаменитый погром четвертого августа вот-вот начнется, как и война, щедро собравшая уже свою первую жатву и жадно требующая добавки.

Картина третья. Последние дни осени, но снег пока еще не выпал. Скованные легким морозцем неуклюжие окопы с колючей проволокой. Группа солдат, среди которых затесался и Мишка Власов, слушает офицера, держащего гранату.

Где-то я уже нечто подобное видел, но вот где? Точно среди фотографий на сайте «Штыка». РГ-14. Она же «ручная граната Рдултовского образца 1914 года». И это не обычная «лимонка». Судя по инструкциям, возни с ней много.

– ...Гранату хранить следует без запала и со спущенным ударником, – объяснял офицер. – Перед броском нужно поставить гранату на предохранитель. Это делается так: снимается кольцо, оттягивается ударник, рычаг вдавливается в рукоятку, предохранительная чека ставится поперек курка, кольцо вновь надевается на рукоятку и рычаг. Теперь необходимо зарядить гранату. Заряжать нужно...

Провести инструктаж до конца офицер не смог. В небе начал кружить германский аэроплан. Недалеко рванул «чемодан»... Затем еще один. Раздался крик: «Господа, мы попали в „вилку“! Скорее уходим отсюда!...»

Крик утонул в новом взрыве, накрывшем уже наш окоп. Вот, значит, как Мишка в госпиталь угодил. Теперь понятно. Но непонятно, что теперь со всем этим «счастьем» мне делать? Если следовать логике путешественника во времени, то дальнейших и основных вариантов у меня теперь два: либо попытаться приспособиться к этой эпохе, стать ее частью и своими глазами увидеть, как вершится история нового вре-

мени, либо, вооружившись знаниями о будущем, попытаться эту историю переделать в том или ином направлении. Если вариант номер один, то при самом благоприятном положении вещей у меня есть шанс дожить года эдак до восьмидесятого, не только наблюдая, но и участвуя во всех громких событиях двадцатого столетия. Ну а если вариант номер два, то тогда... Сплошная альтернатива...

Тоже при должном везении, разумеется.

Но с этим непростым выбором мне можно было определиться только после выздоровления, а оно неизвестно когда наступит. Если вообще наступит.

Все же шансов на выбор прибавилось. Паралич постепенно отпускает, и я потихоньку обретаю все большую и большую власть над своим нынешним телом. Руками уже шевелить могу.

Хоть я и умею ждать, но как же тут тоскливо и скучно. От скуки меня обычно спасает музыка, но какая в царской России может быть музыка? Живые оркестры в парках и ресторанах или, в лучшем случае, граммофонные пластинки с Шаляпиным и Собиновым. Даже джазу и тому еще до пика своей популярности далеко.

Однако я шевелю губами и сиплю, перепевая все, что взбредет в голову. «Концерт по заявкам» продолжается до той лишь поры, пока мой нынешний подростковый ломаный голос вдруг резко пробивается сквозь сипение. Ура, товарищи! Шарик может говорить!

Быстро замолкаю, не хватало еще лишних расспросов. По счастью, никто не заметил моего пения, а то пришлось бы рассказывать, почему это полковнику никто не пишет. А расспросы мне сейчас противопоказаны. Пусть тайное пока остается тайным.

Глава 3

«До чего же наглая морда...» – в который уже раз думал я, рассматривая себя теперешнего в мутноватом зеркале умывального. Оттуда на меня глядел лопоухий, худой, но жилистый шкет с хитрыми, плутовскими, наполненными жаждой авантюры кошачьими глазами и копной каштановых волос. Похож на Сникерса, жил когда-то в лихие девяностые в подвале нашей четырехэтажки беспризорник с таким прозвищем, ежеминутно доставляя огромное количество хлопот абсолютно всем и всюду. Должно быть, Мишка Власов из той же породы котов, гуляющих сами по себе. Именно из таких вот характерных типажей в равной степени получают-ся либо гениальные разведчики, либо столь же гениальные негодяи. Тут уж как судьба и воспитание распорядятся.

Одежка на мне тоже примечательная: белая рубаша с кальсонами, ноги обуты в похожие на калоши кожаные больничные тапки-опорки, на плечи накинут наскоро и кое-как подшитый и подогнанный под меня больничный серый халат. Пугало огородное, ей-богу.

– Миша, хватит любоваться собой, как Нарцисс у глади речной, – раздался у меня за спиной голос Ларисы. – Скорей беги в вестибюль – там из земского² приехали.

² «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, состоящий под покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини

– А может, не надо, Лариса Анатольевна? – с некоторым упрямством спросил я, продолжая уверенно играть роль своенравного и капризного подростка.

– Как это не надо? – не унималась Лариса. – Там ведь не только говорить будут, но и подарки дарить. Немедленно спускайся.

– Ну, ладно. Тогда пойду, – сдался я перед напором вчерашней гимназистки из Новгорода Ларисы Гиацинтовой, а ныне сестры милосердия в одном из небольших госпиталей польского городка Августов. Уговаривать Лариса умеет, а я, даже несмотря на свою нынешнюю подростковую прыть, пока нахожусь не в том положении, чтобы отказываться от любой, пусть даже и самой пустяковой, помощи.

* * *

За почти три недели лечения я уже успел хорошенько изучить все то, что меня окружает, и полностью освоился в новой для себя обстановке. Госпиталь двухэтажный, на шестьдесят раненых (по четыре-шесть человек в палате). Внизу большой вестибюль со столами, где раненые играют в шаш-

Елизаветы Федоровны» – политическая организация, созданная в августе 1914 г. Первоначально занималась помощью больным и раненым, сбором белья, оборудованием госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовительных медпунктов, обучением медперсонала. В дальнейшем также выполняла заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывала помощь беженцам. Прекратила свое существование в 1917 г.

ки и домино либо помогают няням заматывать в рулончики бинты. Рядом с вестибюлем обширная столовая для ходячих. Лестница в два марша ведет на второй этаж, там перевязочная, комната дежурных сестер и восемь палат. Кухня и бельевая внизу за столовой.

Теперь о медперсонале. Начальник госпиталя Павел Рудольфович Воскобойников. Поговаривают, что у него до войны фамилия была другая, немецкая, но к тому моменту, когда Петербург по высочайшему повелению переименовали в Петроград³, Павел Рудольфович Авербург уже сделался более «русским» Воскобойниковым.

У докторов Клестова и Розова аналогичная история. Повинуясь всеобщей борьбе с германским засильем, тоже стали «перевертышами».

Из медсестер, кроме Гиацинтовой, есть еще несколько девушек и плюс многочисленные старые нянечки и санитары. Вот и весь медперсонал.

Куда сложнее мне было разобраться с нынешним временем, хотя поначалу вроде бы все шло неплохо. Сориентировался со «старым стилем» и высчитал, что по «новому» не за горами уже тысяча девятьсот пятнадцатый год. Дальше пришлось усиленно напрягать память, вспоминая из прочитанных книг, журналов и статей все, что мне было известно о минувших событиях и боях.

³ 31 августа 1914 г. на волне антигерманских настроений Николай II объявил о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград.

Кампания четырнадцатого года медленно, но верно подходит к концу. Здесь на Северо-Западном фронте уже отгремели неудачные для нас два восточно-пруссских похода. Уже миновал Гумбинненский бой. Генерал Самсонов и его вторая Наревская армия прошли через свою трагическую судьбу под Таннебергом, а Восточная Пруссия по-прежнему остается немецкой «медвежьей лапой», закрывающей нашим войскам кратчайший путь в Берлин. Состоялся ощутимый обмен ударами под Варшавой, а затем и Лодзью, не принесший решительной победы ни нам, ни немцам. На Юго-Западном фронте промелькнула Галицийская битва с взятым Львовом, река Сан окрасилась кровью, а гарнизон Ивангорода стойко выстоял во всех испытаниях, отбив сначала германский, а затем и австрийский натиск. Продолжается осада нашими войсками другой крепости – австрийского Перемышля. Вместе с двумя немецкими мореходными подарочками⁴ в войну в конце октября вошла Турция. На Кавказском фронте после пограничных боев у Кеприкея и наши, и турки, немного передохнув, готовятся к новым сражениям. На Западе, в Европе после боев во Фландрии и германцы, и французы с англичанами постепенно перешли к стратегической обороне, да и здесь, на «русском фронте», позицион-

⁴ Имеются в виду германские военные крейсера «Гебен» и «Бреслау», переданные Германией Турции. Впоследствии сменившие название на «Язув Султан Селим» и «Миддили», крейсера формально стали кораблями турецкого флота, сохранив при этом свои немецкие экипажи и участвуя в бомбардировке Феодосии и Новороссийска 29 октября 1914 г.

ный тупик пусть и не столь явно, но уже дает о себе знать.

Вроде бы все так, но что же будет дальше?..

Напрягаю память, и в голове отчетливо возникают обрывки текста: «К началу 1915 года главные силы русских концентрировались фронтом на западе, на реках Бзуре, Равке, Нице, Дунаец. Здесь находились 1, 2, 3, 4, 5, 9-я армии. Фланги прикрывались в Восточной Пруссии 10-й армией, в Карпатах – 8-й армией. В общем резерве имелось два корпуса...

Русское командование решило собрать новую 12-ю армию на р. Нарев и вначале ограничиться активными действиями в Восточной Пруссии, без овладения которой вторжение в Германию, очевидно, представлялось невозможным. В то же время Юго-Западный фронт по своей инициативе начал сосредоточивать войска в Карпатах с целью перехода в наступление...

Энвер-Паша с начальником штаба, германским генералом Бронзартром, полным новичком в турецких условиях, решил вступить в командование стоящей здесь турецкой армией, усиленной 90 тыс. солдат и одержать над русскими решительную победу. Один корпус должен был остаться перед русским фронтом, а два корпуса по заснеженным полям, обледенелым горным тропам обойти правый русский фланг с севера и выйти в тыл к Сарыкамышу...»⁵

Дальнейшую оперативно-стратегическую картину вспомнить не могу. Вот хоть убейте, но пока не могу. Но в любом

⁵ «Четырехлетняя война 1914–1918 гг. и ее эпоха».

случае все это общие и, возможно, не такие точные сведения, а мне с моей въедливостью нужно разузнать что-то более углубленное и разнообразное. Попытался разговорить лежащих со мной в палате солдат, но те как-то не особенно оказались склонными к беседе, а все чаще усмехались над «бойким мальчонкой Мишей». Сдаваться я не собирался, отлично зная, что кроме разговоров информацию можно получать и из газет. Тут как раз стопка под рукой оказалась. Может быть, за счет этой пусть и довольно старой, но все же родной прессы мне удастся чуть больше сориентироваться в нынешней эпохе? Посмотрим, посмотрим...

Взялся за «Раннее Утро» и сразу же увидел карикатуру: наш бодрый пехотинец с винтовкой на плечах и радостью на лице конвоирует пленных немцев. Все унылые, в пикельхельхаубе⁶, залатанной форме. «Сказали, что будутъ въ Варшавѣ, и... добились своего!..» – гласит пояснительная надпись ниже.

Со страниц другого «утра» (уже «Утро России») на меня смотрела княгиня Шаховская, выехавшая в действующую армию... Постойте, постойте. Это не та ли светская львица, морфинистка, горячая почитательница Григория Распутина, а по совместительству еще и первая в мире женщина-военлет? Порывшись в памяти, признаю – она самая.

⁶ От нем. Pickelhaube – кожаный шлем с острием на макушке. Также известен под другим названием – пикельхаубе. Был принят в качестве головного убора в вооруженных силах Германии в XIX–XX вв. и считался символом прусского милитаризма.

Снова пальцы перебирали номера... «Николаевская газета»... Что тут у нас?.. Глаза болят от непривычных «ятей» и «ёров», но все же читаю и как будто не замечаю старояза:

«БЕСШУМНЫЕ ПУШКИ»

«„Правительственное бюро печати“ сообщает, что германцы в последних боях пользовались бесшумными пушками. Уверяют, что это усовершенствованные пушки, из которых снаряды вылетают без шума. Расстояние между боевыми линиями обеих сторон в некоторых пунктах равны всего сорока ярдам. В момент полного затишья солдаты сходятся и угощают друг друга табаком. Очевидцы рассказывают, однако, что даже в те дни, когда „никаких событий не происходит“, число убитых достигает внушительной цифры...»

Опять про войну. А вот и «Петроградский листок», а в нем...

«ПОЕЗДКА ВИЛЬГЕЛЬМА НА ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ»...

Ну его, этого сухорукого усача⁷... Что еще?.. Вот это уже интересно:

⁷ Германский император Вильгельм II от рождения имел поврежденную левую руку (короче правой на 15 см).

«ИГОРНЫЙ ПРИТОН

В КВАРТИРЕ ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ»

«В ночь на двадцатое ноября чины полиции второго участка Московской части обнаружили в доме номер десять по Коломенской улице новый игорный притон в квартире повивальной бабки Веры Давыдовны Клейс.

В момент появления полиции среди игроков произошел сильный переполох.

Некоторые из них бросились бежать и пытались спрятаться в укромных местах.

Все были замечены и задержаны. Всего в квартире оказалось двадцать три игрока, в том числе несколько женщин.

Все задержанные были переписаны и, по удостоверении званий, освобождены.

Составленный по делу подробный протокол передан на усмотрение петроградского градоначальника».

Все ясно – обычная облава. И ведь откупятся игроки от полиции, дадут кому нужно «на лапу», и все само собой уладится.

Ох, как же не хватает на вас, господа шулера-жулики, Глеба Егоровича с его методой. Уж товарищ Жеглов с вами бы не церемонился, сразу бы отрубил по-своему, по-пролетар-

ски: «Преступник должен сидеть в тюрьме!»

Ну, да что теперь рассуждать, когда времена «железных людей» еще не пришли. Смотрим дальше...

«Московский листок» – детище Пастухова как всегда жжет словом, но уже давно без Гиляровского. Хотя дядя Гиляй, если мне не изменяет память, журналистикой все еще занимается. Однако отвлекся. Читаю:

«ВЗДОРОЖАНИЕ ПРОДУКТОВ

ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ»

«За последнее время в Москве замечается сильное вздорожание продуктов первой необходимости. Мука поднялась в цене на пять-десять копеек за пуд. Дорожает и овес, поднявшийся с одного рубля пуд до одного рубля тридцати пяти копеек.

Все товары, шедшие к нам из заграницы: кофе, какао, перец, горчица, рис и другое, сильно поднялись в цене. Некоторые из этих продуктов даже совсем невозможно встретить на рынке. Начали сильно повышаться в цене масло и яйца. Это объясняется тем, что прекратившийся было в первое время вывоз начал налаживаться вновь...»

Объяснили, как же. Дороговизна объясняется одним: бессовестной спекуляцией, начавшейся с самого начала войны.

Вся мерзость повылазила наружу, вся гниль, все ворье. И никто с гнидами бороться не хочет как следует. Вместо этого проблемы опять же улаживаются взятками, кумовством, макиловщиной и круговой порукой. И можно сколько угодно читать в газетах одно, видя при этом совсем другое. Газеты пишут:

«...Для трудового населения более всего будет ощущаться повышение цены на хлеб, но она сравнительно поднимается невысоко и регулируется справочными ценами...»

Мечтатели. Господи, какие мечтатели и идиоты. Неужели не понимают?.. Понимают. Очень хорошо понимают. И пляшут под чужую дудку...

Листаю дальше, уже не обращая внимания на названия. И здесь двигатель прогресса – вездесущая реклама.

«МАРКА ФИЛИПСЪ

Голландская экономическая лампочка

НИКОГДА, ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ,

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ ПОДДѢЛАНА»

«ВСЕ ДЛЯ ПОХОДА:

СГУЩЕННЫЕ СЛИВКИ,

ШОКОЛАДЪ со сгущенными сливками,

нужно. На желудочно-кишечный тракт не жалуюсь...

Еще немного изучаю газеты и постепенно добираюсь до предстоящего года:

«Всѣмъ ГОДОВЫМЪ подписчикамъ

„МОСКОВСКОГО ЛИСТКА“

на 1915 годъ будет дана

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ:

роскошное, богато иллюстрированное изданіе

„ВЕЛИКАЯ ВОЙНА“

**въ трехъ большихъ томахъ,
съ массой иллюстрацій,**

портретов и картъ...»

го расследования» к газетам я уже не возвращался, вспомнив другое, может быть, по-военному более прямолинейное, но уж точно объективное мнение.

«В 1915 году русское командование должно было считаться с гораздо меньшей поддержкой с тыла. Железные дороги в 1914 году сумели уже исчерпать живые силы и материальные средства, подготовленные в мирное время. Новые формирования развивались в ничтожном масштабе, так как подготовленных людей и материальных средств не хватало и на пополнение больших потерь в действующих на фронте частях...

Русская промышленность перестраивалась в соответствии с требованиями войны гораздо медленнее, чем в государствах, находившихся на высшей ступени капиталистического развития. Особенную остроту вызывало состояние наших запасов снарядов и винтовок...

Наша превосходная полевая артиллерия принимала решительное участие в наших успехах 1914 года; теперь она отходила на второй план. Пехота потеряла свой кадровый состав офицеров и солдат; в 1915 году на ее плечи легла вся тяжесть боев; между тем дело с ее вооружением обстояло очень печально...»⁸

Вот так. Понимал ли все это государь-император Николай Второй Александрович, раздираемый общественным мнением, правительством, высокопоставленным ворьем и спе-

⁸ «Четырехлетняя война 1914–1918 гг. и ее эпоха».

кулянтами, прогерманской и проанглийской придворными кликами, революционным подпольем? Понимала ли общественность, что уже очень скоро хваленые союзнички по Антанте надменно будут копить силы, отсиживаясь в окопах и оставив Россию фактически в одиночку бороться с германо-австро-турецкой военной машиной? Знали ли жители империи, что близится пора оставления Галиции с Польшей, когда армия, терзаемая снарядным, винтовочным, патронным и прочими гладами, до предела переполнится ненадежными прапорщиками – «Володями», оторванными от сохи крестьянами-бородачами, недовольными рабочими и зараженными революционными идеями студентиками? Я знал, вспомнив общие моменты предстоящего пятнадцатого и последующих годов, и потому долго думал о том, как мне теперь поступить со всей этой правдой. И с тягостными думами я не расставался, даже быстро спускаясь в вестибюль, где меня ждала новая, далеко не самая приятная встреча с реалиями нынешней моей жизни.

Глава 4

«Ложь на тараканьих ножках ходит – того и гляди подлюмится». Не зря среди простого народа раньше так говаривали. Едва спустился я в вестибюль, как сразу же увидел мерзкого таракана, ловко перебирающего лапками...

Да нет, даже не таракана, а самого настоящего паука, уже раскинувшего в разные стороны свою паутину лжи.

Пациенты и врачи слушают болтовню очередного земгусара – тщедушного старикашки лет семидесяти, одетого в яркую псевдовоенную форму. Даже погоны на плечах штатского пальто имеются из хитроумно завязанных серебристых шнуров.

И правда паук. Настоящий хитрый и вертлявый паук. Самое обидное, что вот таких ряженных сейчас и на фронте, и в тылу развелось видимо-невидимо, и твердят они практически одно и то же, еще с начала войны нахватавшись высокопарного, щедро напичканного ура-патриотизмом правительственного слога. Не отстают от коллег и старикан:

– ...Неприятельские войска идут по нашей земле! Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы! Не повесит голову в унынии русский богатырь, какие бы испытания ему ни пришлось пережить! Все вынесут его могучие плечи и, отразив врага, вновь засияет мирным счастьем и довольствием единая, нераздель-

ная родина во всем блеске своего несокрушимого величия! Мы доведем эту войну, какая бы она ни была, до победного конца!..

Слышу все эти приторно-сладкоголосые речи, а у самого на душе становится омерзительно и гадко. Именно такие горлопаны кричали, кричат и всегда будут кричать о войне до победного конца, не считаясь с мнением народа. А в феврале (то есть марте) семнадцатого, когда всеми преданный и покинутый царь подпишет отречение от престола, на историческую сцену, шагая по революционной крови с гордо вздернутыми носами, выйдет олигархическо-масонская банда под названием «Керенский и Ко». Жаль, очень жаль, что у Николая еще в августе четырнадцатого не хватило жесткости (и даже жестокости) для введения по всей России монаршей диктатуры военного времени с эффективным карательным органом. Кто-то не согласится, скажет: «Что поделать – один государь был. Кругом враги. Ничего совершить не мог». Риторический вопрос. Очень. Есть всероссийский самодержец, наделенный всей полнотой власти и держащий в своих руках политические рычаги, а есть директор ткацкого комбината, не имеющий своего мнения, а вечно куда-то поглядывающий, не случилось бы чего, не сказал бы кто-то что-то. Не можете сами, ваше величество, так дайте другим, более решительным людям железной рукой навести порядок и на фронте, и в тылу. Те же товарищи чекисты с ворами не церемонились – сразу к стенке. А у вас что?..

Но про кого я говорю вообще. Государь-император Всероссийский Николай Второй до этого уже одну грубейшую ошибку сделал, ввязавшись в совершенно ненужную ни ему, ни тем более стране войну с Японией. И обошлась эта война России почти в три миллиарда рублей убытку. Народное хозяйство расстроено, еще плюс три-четыре миллиарда. Внешний долг взлетел, там только по процентам ежегодно требовалось выплачивать сто пятьдесят миллионов.

Про армию вообще молчу. Ее после войны фактически требовалось восстанавливать заново. Сразу же всплыли недостатки: пулеметов не хватало, тяжелой полевой артиллерии нет, снаряжение скверное, обозная часть действительно требовала реорганизации, материальные ресурсы истощены, с командным составом плохо.

Начали было улучшать – СГО⁹ создали, большую программу по усилению и реорганизации армии замутили, семь тысяч профнепригодных офицеров в отставку отправили. И

⁹ СГО (Совет государственной обороны) – был создан в конце русско-японской войны 5 мая 1905 г. как верховная военно-руководящая инстанция Российской империи. Предназначался для устранения серьезных недостатков в армии. За четыре года работы Совета в результате реформ центрального управления образовалось многовластие, еще более дезорганизовавшее всю армейскую систему. В то же время, когда в вооруженных силах Российской империи главенствовал СГО, были сокращены сроки действительной службы (в пехоте и полевой артиллерии с 5 до 3 лет, в других родах войск с 5 до 4 лет, на флоте с 7 до 5 лет); омоложен офицерский состав; улучшен быт солдат и матросов (питание и вещевое довольствие) и материальное положение офицеров и сверхсрочнослужащих. В 1909 г. СГО прекратил свою работу.

что же? Помогло все это в следующей, уже нынешней мировой войне? Ведь опять на те же грабли наступили. К примеру, с безграмотностью среди солдат никто не разобрался¹⁰...

Но не мне судить нынешнюю власть. Зато я могу попытаться изменить предначертанное, перевести поезд истории на другие, возможно, менее кровавые для моего отечества рельсы.

Как перевести? По этому поводу я размышлял много, но пока ничего не придумал. Что может сделать тридцатипятилетний «пришелец» из будущего, очутившийся в чужом юном теле в прошлом? Думайте, Михаил Иванович, думайте. Шевелите мозгами...

А земгусар меж тем продолжал горячиться. «Лгать – не устать, лишь бы верили». Все же прав народ наш мудрый...

Ну, наконец-то болтовня прекратилась, чтобы уступить место шутовству. Аккомпанируя себе маленькой гармошкой и мандолиной, на место «паука» лихо выскочили два клоуна. Вот они, Вашуков и Бандурин местного разлива (хотя вернее будет Бим и Бом). Оба одеты в трофейные пестрящие заплатками германские шинели. У обоих огромные вздыбленные рыжие усища, напоминающие клыки мамонта. На обшарпанных, одетых на головы касках прикручены козлиные рога. «Откровенный и задушевный разговор герман-

¹⁰ С началом Первой мировой войны и всеобщей мобилизации выяснилось, что в Российской империи 50 % призывников были неграмотными, в то время как в Германии таковых было всего 0,04 %, в Англии – 1 %, во Франции – 3,4 %.

ского кайзера-императора Вильгельма-Подлючего с его верным маршалом-генералом Гинденбург-Толстым о войне, вине и прочем» – еще одна «агитка». Однако всем нравится, и слышен смех...

А вот и подарки. Какие?.. Хорошо, что хоть тут господа из Всероссийского земского союза не разочаровали и привезли в госпиталь нужное: теплые вещи, шерстяное белье, вязанные носки, перчатки. Есть шоколад и конфеты от «Эйнем» и «Абрикосов», трубки, кисет и папиросы «Тройка», «Царскія», «Пушка», «Дукать»...

И тут везде на глаза попадается неизменное изображение героя первой Неманской армии и первого Восточно-прусского похода простого казака Козьмы Крючкова, вопреки своей воле ставшего настоящим брендом нынешней войны¹¹.

Но солдатам теперь не до Крючкова. Солдаты – народ практичный и запасливый. Солдаты совсем про другое говорят:

– Мать частная, сколько ж тут табаку! Ох, и знатный, должно быть?!

– Язи тебя! Куда прешь, оглашенный! В очередь вставай! В очередь!

– Табачок, брат, это хорошо. Я вот помню, были деньки, когда совсем его не водилось у нас в роте.

¹¹ В августе 1914 г. донской казак Козьма Фирсович Крючков (1890–1919) стал первым военнотружущим царской армии, награжденным Георгиевским крестом в Первую мировую войну, тем самым снискав славу героя всей воюющей России.

– Куда же он подевался? Скурили весь, что ли?

– А то. Попробуй-ка не скури, когда герман сперва снарядами тебя гвоздит, еропланом сверху пугает, а после и сам как чумной на пулеметы толпой прет. Живо всю махорку изведешь.

– И как же без нее, без махорки-то?

– А так! Листья сушишь, толчешь, заворачиваешь – вот тебе и все курево. У-у-х! Вспоминать страшно этакую дрянь. Хорошо ишо, что господин штабс-капитан много табаку в роту привез. Их благородие нам как отец родной, всегда выручит.

– Повезло вам, а у нас ротный зверь, а чуть что – в зубы. Курить и то не дает, ругает почем зря.

– И правильно ругает. Неча курить, когда у германцев такие дьяволы водятся, что хоть головы не подымай из окопа.

– Это какие такие дьяволы?

– Такие. Шибко меткие. Притаются в ночи и ждут, когда раззява в окопе спичкой чиркнет. Ловко они дырки в дурных башках делать умеют.

– Будя! И у нас меткие ловкачи есть. А супротив нашего разведчика ни немчуре, ни австрияку не выстоять. Вот, помню, приказали как-то нам в деревеньку одну галицийскую сходить...

Фронтовых воспоминаний тут в госпитале всегда хватало с избытком, а потому слушал их и я, все еще не зная, как мне поступить, чтобы добиться своей цели. Одно знаю точно –

прошлое нужно отпустить.

«Старая жизнь перечеркнута», – решил я тогда.

Мог, конечно, надеяться на то, что однажды случится чудо и я вернусь в свое время и в свое тело. Но будет ли такой шанс у меня? Опять же неизвестно. Значит, попытаюсь что-то сделать здесь, в прошлом. И если судьба или какая иная высшая сила протянет мне руку помощи, то, быть может, в начале двадцатого века я смогу построить новую жизнь, избегая ошибок прежней.

Немного бытовые измышления, но к иному я пока не стремлюсь. Сейчас главное – вылечиться, выписаться из госпиталя, вернуться на фронт или в тыл, а уж там... Варианты, дамы и господа. Множество вариантов и один лишь путь. Ну а нынешняя госпитальная тропка вела пока лишь только к выздоровлению. А оно у меня проходит удивительно быстро даже для молодого организма, о чем говорят доктора, которые способны жутко утомлять.

* * *

– ...Могу только вообразить, сколько еще вот таких юных героев нам предстоит увидеть? Сколько еще мальчишек, побросав университеты, училища и гимназии, проберутся на фронт, желая послужить России? Но что станет с этим роковым поколением, возрастающим среди громов и пожаров?

– Они вырастут, дорогой коллега. Просто вырастут. Году в

тысяча девятьсот восьмидесятом люди укажут на какого-нибудь старичка и шепнут: «Он помнит еще Великую Отечественную войну!»¹²

А теперь этот старичок – шестилетка. Стоит где-нибудь у забора и созерцает, как в его родной город въезжают огромные немцы. Или в комфортабельной детской среди игрушечных аэропланов и пушек рисует в тетрадках казаков и Вильгельма. Вот оно, нынешнее детство.

– И все же детям не место на войне. Их раны бесполезны, и бесполезна их смерть. Дети воевать не должны. Дети должны учиться. Неужели не странно, что Россия, которая может выставить шестнадцать миллионов солдат, имеет в рядах своих детей. Попадет такой малец в плен к немцам, а там воспользуются им, чтобы показать войскам: «Смотрите, как истощилась Россия! Детей посылают на войну!» Я лично решительно против такого пополнения.

– Ну же, коллеги, ну же. Не столь все так плохо, как кажется. Наши юные воины могут не только погибнуть, но и уцелеть, а это уже хорошая жизненная школа... Хотя беглецов действительно слишком много. Помню, как-то в сентяб-

¹² В России до Октябрьской революции 1917 г. кроме обобщенного европейского названия «Великая война» в ходу были и официальные названия «Вторая Отечественная война» и даже «Великая Отечественная война». Однако все эти названия применительно к Первой мировой войне употреблялись лишь в официальных изданиях, но практически не получили распространения в обществе, где бытовали иные, неофициальные названия – «Большая война», «Великая Европейская война», «Германская война» и т. п.

ре я был проездом в Пскове, где только с поездов полиция снимала сто подростков...

Обычно немногословную медкомиссию теперь как будто прорвало. Болтают доктора без умолку и все обо мне да обо мне. Задают вопросы, я отвечаю, начинается болтовня, снова вопросы с ответами, и снова болтовня... Мне подобное однообразие надоело до чертиков, но терплю...

А вот это уже лишнее, господа эскулапы. Отлеживаться у вас еще пару неделек я не собираюсь и потому протестую...

Протест успешен. Пытаются заслать в тыл, погостить в Петрограде. А что там сироте делать, когда для него семья – это полк родной?... Вот то-то.

Комиссия пусть не сразу, но сдается и начинает новую, на сей раз бумажную, волокиту...

Когда писанина закончилась, мне оставалось только попрощаться с госпиталем и приготовиться к новым приключениям. Стою перед большим зеркалом, способным показать меня в полный рост. Поправляю новенькую форму. Между прочим, весь госпиталь хлопотал, чтобы ее поскорей пошили взамен негодной старой. Глаз невольно задерживается на бассоне¹³. Вот он, отличительный знак добровольцев (вернее, «охотников») и вольноопределяющихся царской армии. И Мишка Власов доброволец. А что мне известно о

¹³ Бассон – трехцветный (черно-желто-белый) шнурок на погонах вольноопределяющегося (у добровольца (охотника) – бело-сине-красный). Был введен в России в 1875 г. для нижних чинов, получивших образование. Давал право на проживание в съемных квартирах.

добровольцах? Принимают их на военную службу с семнадцати лет во все рода войск, но только на строевые должности. Исключение делалось для лиц, имеющих техническое образование, чем Мишка отродясь не владел. Находились на казенном содержании и были обязаны отслужить установленный законом срок на общих основаниях, при этом пользуясь всеми положенными льготами. Сколько служить, какие льготы, как подросток Мишка в добровольцы угодил? Вот этого я не помню, да и Мишкина память молчит. Ничего, разберемся позже, а теперь пора отправляться в путь. Еду на фронт в распоряжение родного полка. Почти что под самый Новый год, который для нынешней царской России наступит еще не скоро. По «старому стилю» еще идет декабрь, но меня это обстоятельство ничуть не смущает. Раз цифра 1915 уже практически вступила в свои права, то и мне не следует пребывать во власти ее предшественницы, а смело смотреть в будущее под определенным, хорошо только мне известным углом. Я не знал, что именно оно мне готовило, но уже не так сильно опасался перемен, какими бы они ни оказались.

Глава 5

– ...Все же какое это унижение для воина – зарываться в землю. Какая подавленность духа от сознания того, что ты обратился в крота.

– Воевать можно и при подобных условиях, если будут устранены все недочеты и недоработки. Возьмите немцев. У них окопы двойные. В передних ночью сидят только полевые караулы по пять-шесть человек от роты с пулеметом. В задних – полки. Сразу видна забота о сохранении сил для боя. У нас же все вперед, все в напряжении и почти никаких резервов. Нет заботы о сбережении солдатских масс.

– А зачем их беречь, когда командование считает, что любую прореху можно заткнуть пополнением?

– Вам хорошо известно, какое это пополнение. Сколько уже выбыло из строя нашего брата офицера, а что присылают ему взамен? Черт знает что. Юнцы, четырехмесячные выкидыши с наспех состряпанными погонами прапорщиков. Это народ все ненадежный. Вот и остаются наши солдатики в положении овец без необходимого числа пастырей.

– А что с самими солдатами делают? Уму непостижимо. Это словно какая-то дурная карточная игра, больше похожая на вопиющий произвол. У меня вчера отобрали денщика, сказав, что пришлют нового. В расстроенном состоянии я прибыл сегодня утром в штаб бригады по делам. Угадайте,

кого я там встретил?

– Кого?

– Моего Герасима.

– И как он?

– Выглядит уныло. Но дело не только в том, что его у меня отобрали, а еще и в том, что он назначен в пятьдесят третью, в артиллерию. Вы понимаете – в артиллерию!

– Ничего удивительного. С легкой подачи дурных голов некомплект в частях восполняется без всякого соображения, а чисто механически: не сортируют, а разбивают. В итоге в пехоту попадают кавалеристы и артиллеристы, в артиллерию – пехотинцы и кавалеристы, в кавалерию – артиллеристы и пехотинцы. Вот такая ужасная чехарда у нас происходит...

– Господа, господа, прошу, отвлекитесь от споров. Посмотрите лучше, кто к нам вернулся!

Четыре пары офицерских глаз устремились на меня, когда я вместе с небольшими санями, груженными валенками, зимними наушниками, полушубками и прочим полковым хозяйством, добрался до места, немного согревшись по пути сбитнем от Коркунова. Штука замечательная! Бросаешь сухую копеечную плитку в стакан горячей воды, и порция готова. В запасе остался еще один пакетик с пятнадцатью плитками, а этого, по идее, должно хватить на неделю.

Но что-то мне подсказывало, что коркуновский сбитень закончится значительно раньше. Ветер, снег, мороз не унижаются, а становятся только злее, особенно здесь, у Мазур-

ских озер. Наступила полноценная зима. По здравой логике войну следовало бы именно сейчас прекратить, но она и не думает заканчиваться. Ширится как всемирная эпидемия, отнимая все новые и новые жизни и беспощадно скашивая лучших людей – опытных кадровиков царской армии.

Еще в госпитале я потратил не один мучительный час, размышляя о том, как же мне действовать, если судьба забросит меня на фронт. Странно, но от предстоящей поездки я не испытывал тогда ни малейшего волнения, хотя должен был бы: на войну еду. В такой ситуации наверняка предполагается целая буря всевозможных чувств и эмоций, но их просто нет, а есть лишь холодное, даже ледяное спокойствие индейского вождя. Значит, с этим спокойствием и поедем. Это мне, наверное, от Мишки «в наследство» досталось. Он ведь на фронте не новичок – воробей стреляный...

Во время пути удалось помедитировать, еще кое-что вспомнить из Мишкиного прошлого. Теперь я уже не чувствовал себя не подготовленным к будущей встрече с родным полком. Всецело готов к труду и обороне.

– ...Доброволец Власов в ваше распоряжение прибыл! – отпартовал я, вытянувшись по-строевому.

– Здравствуй, здравствуй, – раздалось мне в ответ. – Ну рассказывай, как лечился?..

С этого самого момента для меня началась новая, не менее запоминающаяся фронтовая реальность.

Я был когда-то странной
Игрушкой безымянной,
К которой в магазине
Никто не подойдет.
Теперь я Чебурашка,
Мне каждая дворняжка
При встрече сразу лапу подает...¹⁴

Добрые песни все же были раньше, но мне теперь не до них. Когда приходится отвечать на уйму самых разнообразных вопросов, то на песню времени не остается вовсе. И при этом мое нынешнее положение можно охарактеризовать двумя словами. Сын полка – вот кем был доброволец Мишка Власов и кем теперь являюсь я.

А вот и сам двести двенадцатый Романовский пехотный полк, входящий во вторую бригаду пятьдесят третьей дивизии двадцатого корпуса десятой армии. Еще помню имена, фамилии, звания. Комполка у нас полковник Евгений Семенович Ерофеев – георгиевский кавалер, отличившийся еще в Японской войне при обороне Порт-Артура. Комбаты Морзинский, Сацукевич, Самойленко и Красиков. Моя рота под

¹⁴ «Песенка Чебурашки» из мультфильма «Крокодил Гена», музыка В. Шаинского, стихи Э. Успенского.

номером три. Ротный штабс-капитан Георгий Викторович Сазонов. Несмотря на некоторую subtilность во внешнем виде, взгляд имеет такой, что оторопь берет любого. В самой роте вместе со мной двести сорок нижних чинов при трех младших офицерах – поручики Рублевский, Заметов и Орлов. Фельдфебелем у нас сверхсрочной службы подпрапорщик Тарас Гойда, настоящий богатырь с внешностью Ильи Муромца и полным солдатским «бантом» на груди (все четыре Георгиевских креста бережно начищены). Плюс к этому обладатель убийственного умения опытного рукопашника – может одним ударом своего огромного, словно арбуз, кулака отправить на тот свет любого немца, врезав тому сверху вниз по голове. Взводные унтер-офицеры – Осов, Ракитин, Степаненко и мой Колдобаев Митрофан Иванович, умный смекалистый мужик лет сорока, для друзей и товарищей известный как просто Иваныч. Родом из сибирских охотников, что совсем не вяжется с его внешним видом богатого деревенского хозяина.

Все это личный состав, а теперь о том, где мы ныне воюем. Без малейшего сарказма констатирую, что окружающую местность и обстановку вполне можно охарактеризовать крылатыми опусами из «Бриллиантовой руки»: «Строго на север порядка пятидесяти метров расположен туалет, типа „сортир“, отмеченный буквами „мэ“ и „жо“. Асфальтная дорожка, ведущая к туалету, проходит мимо кустов пыхты, где буду находиться я... Такова наша дислокация!..»

А если серьезно, то теперешняя наша дислокация такова: зимняя рощица с маленьким наполовину разрушенным фольварком (хутором то есть) — это для начальства. Больше вокруг никакого жилья нет, а потому убежищем для солдат стали землянки, сделанные по следующему «рецепту»: за окопом вырывается четырехугольная яма, в углах ставятся столбы, сверху перекладыны. Еще выше кладутся доски, двери, жерди, ветки, земля...

Кстати, об окопах. Они тут не непрерывные и очень слабые. Ходы сообщения вырыты неглубоко, так что местами приходится прямо ползти по ним, чтобы немцы не подстрелили. Есть колючая проволока, но никуда не годная. Противопехотным заграждением этот кривой забор с тремя нитями назвать трудно. Задержит секунд на двадцать-тридцать, но ночью в условиях плохой видимости, может, и подольше.

К тому же местность болотистая, мерзкая, хлюпкая, холодом от земли веет. Как тут не ругаться? Дрянь, а не окопы.

Глядя на все это безобразие, я вспомнил строки одного приказа, прочитанного мною при подготовке статей о войне: «Из доклада о нападении немцев на окопы одного из полков 84-й дивизии выяснилось, что занимавшие окопы нижние чины оказались почти в беспомощном состоянии, так как окопы были вырыты настолько глубокими, что из них было невозможно стрелять. Напоминаю, что всякий окоп должен быть приспособлен, прежде всего, для удобной стрельбы и затем уже для укрытия. Приказываю пересмотреть все око-

пы и устранить значительные недостатки в отношении удобства стрельбы в них...»¹⁵

Что тут скажешь – извечные наши дурацкие крайности...

Отдельная достопримечательность здешних окопов – это так называемый «Закуток». Непонятно кем, для чего и когда построенный старый немецкий каменный погреб с мощными железобетонными стенами, способными выдержать наверняка и удар «чемодана», не говоря уже о пулях. В «Закутке» обычно собираются солдаты и офицеры в часы ночного дежурства, чтобы погреться (есть там самодельная печка), перекурить и поговорить.

А еще всем не дают покоя обстрелы вражеской артиллерии. Раньше на нашем участке днем невозможно было высунуться: немцы стреляли много и часто. Зато теперь, видимо экономя снаряды, ограничиваются одиночным выстрелом тяжелой двенадцатидюймовой гаубицы. Та бухала ежедневно и строго в полдень, своими «чемоданами» вырывая огромные воронки в два метра глубиной и около тридцати шагов в окружности. По счастью, стреляли немцы хоть и пунктуально, по графику, но не особенно метко. Зато ночные вылазки к нам за проволоку делали часто. Наши тоже лезят, но страшно при этом рискуют. Застать немцев врасплох не удастся: те, чуть что, сразу же начинают водить по снегу прожекторами и пускать в небо осветительные ракеты.

¹⁵ Реально существовавший приказ (№ 204 от 23 ноября 1914 г.) командующего 10-й армией генерала от инфантерии Ф. В. Сивера (1853–1916).

Ну а если в общих чертах, то идет сейчас тут малая окопная война с неспешным продвижением вперед «тихим сапом» и внезапными, короткими наступлениями. За последний месяц таковых было два, и оба закончились для полка не слишком-то удачно. К тому же поддержки со стороны родной артиллерии практически нет, тоже экономят снаряды. Вот она, страшная тень будущего пика снарядного голода! Предчувствуют его многие, но то, что в ближайшее время он не будет решен, похоже, знаю только я, гость из будущего, которому сейчас нужно лишь привыкнуть к еще одной части Мишкиного прошлого.

* * *

У вас есть недостатки? У меня есть. Словоохотливостью грешу.

Нет, журналист должен быть коммуникабелен и общителен, но не более. Я же мало того, что охотно отвечаю на вопросы и задаю их сам, так еще и с легкостью могу забыть на некоторое время, где именно нахожусь и с кем говорю. Проболтаться не проболтался, но объяснять разительную перемену в поведении Мишки Власова, ставшего после госпиталя и лечения шибко грамотным и ученым, мне пришлось не только господам офицерам, но и солдатам, прячущимся от мороза в землянках, неплохо устроенных внутри. Лучина освещает стоящее в углу сооружение, напоминающее ка-

мин, по стенам развешена солома, под ногами доски, умело сколочены нары – это Иваныч подсуетился. Сам хозяин жилища уже приготовил по такому особому случаю сибирский чаговый чай с березовыми почками и теперь вместе с другими слушает мой рассказ. Диалог получается, прямо скажем, занятный:

– ...Делать там особо нечего, – объяснял я, – вот и читаешь газеты.

– Ты ж отродясь читать не мог, – удивился Акимкин – крепко сложенный бородач с рябой шевелюрой и маленькими, постоянно бегающими глазками.

– Научился, – не сдаюсь я. – Дело нехитрое.

– Ишь ты. Скоро больно. Меня вон дьяк наш в школе не один годочек за уши драл, грамоту вдалбливал, а тут раз, и грамотный – не бывает так.

– Ну, чего, чего пристал к мальчонке-то! – вступился за меня Гойда. – Сказано тебе – выучился... Ты, Миша, на Акимкина не обижайся. Он потому злой такой, что ефрейтором не стал.

– Почему не стал? – поинтересовался я.

– А потому, – начал объяснять Гойда. – Недавно в ночь к немцам в одиночку слазить вздумал. Слазил и вроде бы даже языка взял у них, да вот беда: не донес. Немцы всполошились и давай бить из пулемета. Акимкину ничего, выкрутился, а немцу конец – пуля голову пробила. Так и остался наш Акимкин без ефрейторских лычков...

– Ужо погоди, придет время, не только лычки, а и крест добуду! – В голосе Акимкина зазвучала злоба. – Дай только срок. Просто немец тогда больно жирный попался. Не дотащишь хряка такого, тяжеленный, гад. В другой раз управлюсь. Выберу немака полегче, малость подколю, чтоб не брыкался, и притащу.

– Притащишь, как же. – Гойда усмехнулся. – Э, нет, брат, с немчурой намаешься. С австрияками, наверное, полегче будет.

– А то, – со знанием дела подтвердил Федор Курносов – еще один бывалый солдат, каким-то образом успевший повоевать на соседнем «австрийском» фронте. – Австрияк, он пужливый. Ты только вдарь по нему как следует, он руки вверх сразу тянет.

– А мадьяры как? – спросил Гойда. – Сдаются?

– Эти навроде наших цыган будут. Наскакивают жестко, а чуть задело, от раны плачут как бабы. То ли дело немец. Этот не прост, в плен не сдается и все наперед обсматривает. По четыре консервы в ранце таскает, запасливый. Да и раненых наших добивает...

– Про то, добивают ли германцы, меня спроси! – сквозь зубы процедил Акимкин. – Еще как добивают, сволочи!..

И вновь я стал свидетелем и участником нового спора, прерванного одиночным выстрелом. Никто из сидящих в землянке на него особо и не отреагировал. Произошла вполне бытовая для фронта ситуация: какой-то молодой солдат

прострелил себе ногу. Может быть, нервы не выдержали или что-то еще, не знаю. Солдата унесли на носилках, но, скорее всего, поставят к стенке по закону военного времени за самострел.

Вот такое начало службы у меня получилось, а уже через пару дней эта служба, как и жизнь, могла в один миг прерваться, и произошло бы это, в общем-то, по моей лишь вине.

Глава 6

– ...Надоело. Сил моих уже нет сидеть в окопах. Домой хочу. Когда уже эта война проклятущая кончится?

– Ишь ты, умный какой. Когда надо, тогда и кончится. Баяют, что скоро...

– Как же скоро, когда средь начальства предатели. Генералы-то наши из немцев. Вот и ждут, пока их дружки штаны застирают да и всыпят нам по первое число...

– И все равно, что ни говори, а хорошо у нас тут.

– Еще бы. Это тебе не тыл, где все тайком да на цыпочках. Тут, брат, вся душа нараспашку. Убивай сколько хочешь. Падали. Руби. Гори, душа, радугой. Вот только начальство дурацкое. Не скovyрнуть ли его к черту?..

– А ну тихо! – словно рассерженный медведь, рявкнул Иваныч. – Отставить разговоры!..

Разговоры прекратились, и снова наступила тишина, разбавляемая разве что какими-то неясными шорохами в окопах, редкими вспышками ракет и слабым бряцаньем консервных банок, надетых на проволоку и раскачивающихся на морозе от слабого ветерка. Вместе с Иванычем, Курновым, Акимкиным и пулеметчиком Паниным я продолжал следить за вражескими позициями, внимательно всматриваясь в непроницаемый ночной мрак. Причина к такому повышенному вниманию имелась весома: не так давно в окопе

возле «Закутка» наши часовые из полевого караула обнаружили подозрительную активность со стороны немцев, те участвовали в вылазках и действовали наглее и решительней обычного. Ввиду этого всему сторожевому охранению приказано бдительность усилить и смотреть в оба, чтобы даже мышь не проскользнула мимо...

Чуть не забыл рассказать о том, чем же примечательным занимался в роте до своего ранения Мишка Власов. Если вкратце, то много чего ему поручали делать, но назвать его мальчиком на побегушках никак не получается. В то же время для солдат он оставался пусть и хлебнувшим горя, но ребенком, а потому воспитывали и следили за ним постоянно, бережно сохранив на время госпитальной отлучки его нехитрое имущество, доставшееся теперь мне. Ничего особо интересного в этом имуществе не оказалось, кроме разве что двух вещей.

Первая – хорошо заточенный кривой солдатский кинжал – бебут, подарок от стрелков из пулеметной команды. Вот это «ножичек». Длинной с полметра будет и весит где-то под килограмм. Клинок стальной с двумя узкими долами. Деревянные ножны обтянуты кожей. Деревянная рукоятка удобно ложится в ладонь. Интересно, для чего в ее верхней части выпуклая металлическая пуговка, а в нижней фигурная втулка? Как бы то ни было, для взрослого такой кинжал в самую пору, а мне, нынешнему, с худыми ручонками, будет великоват. Нужно поупражняться с ним, коли у меня теперь

оказался.

Вторая вещь – шерстяная вязаная шапка, по виду напоминающая балаклаву. У Иваныча такая тоже есть. У немцев достал. Те, готовясь к зиме, как могут утепляются, пряча от мороза уши и щеки.

Числится за мной еще старенький «заручный» карабин, пулеметчики подарили. По сути, та же трехлинейная винтовка Мосина, но короче (метр с небольшим без штыка, который карабину не полагается), легче (три с половиной кило вес) и бьет всего на километр. Тяжеловат для Мишки. Ему бы обрез больше подошел, но это уже неуставной самодел. А пока... Пока солдатам царской армии с «мосинками» в руках приходится воевать, хорошей альтернативы в виде автомата Калашникова у них пока нет...

Из «жилплощади» у меня имеется маленькая персональная землянка, где все устроено просто, практически по-спартански, но уютно и со вкусом. Жить и зимовать в этой «квартирке» можно.

А вот излишняя взрослая серьезность при нынешнем положении мне вышла боком. Мишка, как и все мальчишки-подростки, вел себя много веселее и бойче. Может быть, именно поэтому отношение к нему (то есть ко мне) в роте после возвращения из госпиталя несколько переменилось. Не скажу, что беречь Мишку меньше стали, но в сегодняшнем карауле я очутился по приказу ротного.

Настроение плохое, если не сказать отвратительное. Мало

того, что ночью на морозе сижу в хлипком и грязном окопе, так еще и тягостные думы мучают. Как быть, когда не только ощущаешь, но и точно знаешь, что вскоре страна под названием Российская империя перестанет существовать? Ее можно попытаться спасти, но вот как именно это сделать? Еще во время первого разговора с нашими офицерами мне стоило огромного труда сдержаться и не выболтать лишнего. Рано, друзья мои. Рано откровенничать. По себе знаю, что импульсивность, как правило, ни к чему хорошему не приводит, а дров наломать можно столько, что выйдет еще хуже, чем есть.

Я прокручивал в голове один вариант за другим и беспощадно отметал их. Все не то. Можно рассуждать просто: какими-либо путями едем в Петроград, там добираемся до царя и режем правду-матку о пока еще не состоявшемся трагическом будущем самого монарха, его семейства и всей России. Вот ваше будущее, государь, ближайшее и бесповоротное...

Вариант. Но и он не сработает, наткнувшись на всевозможные препоны...

Что еще? Персона – событие – перспективы – итог, персона – событие – перспективы – итог. Голова от этого калейдоскопа начинает болеть довольно быстро, а когда в логическую цепь вклинивается посторонняя, не имеющая ни малейшего отношения к делу беседа, то думать тогда уже ни о чем не хочется...

Когда я просчитывал очередной вариант «альтернативы» уже с нынешним главковерхом¹⁶ Великим князем Николаем Николаевичем-младшим, речь в окопе зашла о «вшивых бегах» – еще одной солдатской придумке, рожденной реалиями войны. Есть у придумки правила. На листе бумаги рисуют два круга – один большой, а второй поменьше внутри первого. Это «поле», а где же «рысаки»? Вот они-с, вместе с «жокеями». Каждый солдат вылавливает у себя вшу и кладет ее в центр внутреннего круга. Теперь, собственно, «бега» – чей «рысак» пересечет быстрее внешний круг, тот и победил. Занятное зрелище. Если вместо кругов сделать беговые дорожки, а вместо вшей поставить тараканов с их «тараканьим царем» Артуром Артуровичем, то получится почти как по Булгакову. Тотализатор. Азарт. Опыт, помноженный на подготовку. Все тут есть. И даже советы более опытных игроков присутствуют:

– Думай что хочешь, а моя Матрена хороша, – хвастается Панин. – Бегает быстро. Никому за ней не угнаться. А почему? А потому, что не кормлю ее, перед тем как пустить. Сытая она ленивей становится, а голодная резвее бежит...

– Что там твоя Матрена, – возразил Акимкин, – когда я вчера такую вшу в своей шинели поймал! Это пордань-мордань, а не вша! Как конь все равно!..

Хорошо игрокам – у них азарт и приключение, а у меня –

¹⁶ Сокращенное наименование главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской империи во время Первой мировой войны.

тоска и мучение. Вши, слава богу, пока не особенно достают (как и все, отбиваюсь керосином), но легче от этого не становится. Однако даже меня, человека с миролюбивым характером и стойким нежеланием искать себе на пятую точку приключений, эти самые приключения теперь находят с завидной регулярностью. Сидел бы себе смирно, так нет же, вздумал погреться, с разрешения Иваныча по окопам пройти, чтобы тут же узреть, как неподалеку, спокойно миновав «колючку», по снегу к нам подбираются немцы! И рядом со мной никого из наших нет! Куда только все подевались?! Куда?!!

А немцы меж тем меня тоже заметили! Один из них вскинул пистолет! Раздался выстрел, и пуля ударила о стенку окопа в каких-то пяти сантиметрах от моей головы!

После этого со мной начали происходить неведомые и пугающие чудеса! По-другому это и не назовешь! Много читал о боевом трансе, а теперь, похоже, и сам оказался им охвачен! Непередаваемые ощущения. С губ срывается страшный резонирующий звериный рык, мир вокруг тускнеет, время как будто замедляется, секунды становятся тягучими, неспешными, тело с невероятной быстротой само двигается куда нужно, минуя опасность!

Я нырнул в окоп, чтобы тут же очутиться нос к носу со здоровенным немцем! Тот при своей могучей комплекции каким-то немыслимым образом уже успел преодолеть эти метры и теперь решил ткнуть меня ножом, метя в горло! И

вновь спасение! Молниеносно уклоняюсь в сторону, а рука сама уже берется обратным хватом за рукоятку бебута! И ве-са кинжала я не чувствую! Удар, похожий на блик, по слож-ной траектории, крик раненого! Все происходит словно на одном едином, непрерывном, неуловимом для человеческих глаз движении!..

А кругом в это время все уже всполошилось, ожило. Нако-нец-то подмога. Пулеметчик Панин метнулся к «Максиму», и вскоре к винтовочным выстрелам присоединилось равно-мерное таканье, в небо полетела осветительная ракета, и на-чался короткий, но ожесточенный ночной бой. Но его я уже не увидел. Истекающего кровью немца с порезанной рукой в рукопашной схватке прикончил Иваныч, а после нашел уже меня на дне окопа. Поди разбери природу внутренних ресур-сов человеческого организма. Сначала вдруг дает тебе воз-можности идеального бойца, а после столь же внезапно мо-жет отправить в глубокий обморок. Короче, сплошные био-логические контрасты.

* * *

В себя я пришел далеко не сразу, успев не на шутку испу-гать Иваныча и остальных служивых. Подумали, что зарезан их Мишка злым врагом, убит в бою.

Все тогдашние мои ощущения словами не передать. Ска-жу лишь, что, несмотря на сильнейшую слабость и шок, отле-

живаться в тепле я не стал, а стойко перенес эту ночь вместе с охранением, не смевшим после случившегося отвлекаться на разговоры.

Уже позже с наступлением утра Иваныч каким-то образом отыскал в снегу пулю и торжественно вручил мне со словами:

– Ну, Мишка, считай, что ты в рубашке родился. Так бы и пробила голову... Ты вот что, плюнь-ка на нее и закинь через левое плечо для верности...

Хоть я и не суеверен, но все же решил последовать совету. Так сказать, «для успокоения души».

Но со мной все просто, а у господ офицеров настроение мрачное. Предчувствие медленно, но неустанно надвигающейся на империю катастрофы их не отпускает. Едва стихла ночная перестрелка и все успокоилось, как в «Закуток» пожаловали Рублевский и Заметов. Сам того не желая, я невольно подслушал любопытные умозаключения следующего содержания:

– Говорят, что у командира двадцать второго корпуса фон Бринкена имеется брат, тоже генерал, который сражается против нас в германских войсках! Мерзость! И все эти фонны верховодят нами! А стоящие у трона фредериксы?! Вот в отношении кого надо принимать меры эмансипации от германского засилья! Интересно узнать, где теперь ошивается сукин сын Реннекамф?!

– Наверняка услали в тыл на лечение. Но я полностью с

тобой согласен. Нашу Россию и армию губят именно немцы. Стоящие у нас во главе армии Реннекампы, Сиверсы, Плевы, Эверты. Но как с ними борется власть? Вместо того чтобы тевтонские зубы повырывать, еще больше их укрепляет, холит и лелеет. Была бы моя воля – собрал бы этих немецких жеребцов и на каторгу... А еще лучше на виселицу...

Н-да. Нервы офицерские расшатаны. Но говорят господа поручики правду, немцев и в самом деле сейчас много в командовании. За то низкий поклон царственному новатору-реформатору Петру Алексеевичу Первому – окно в Европу, может быть, он и прорубил, но и для иноземцев зеленую улицу дал. И поползли эти иноземцы на Русь-матушку. И у каждого свои цели: у одних хорошие, у других плохие...

Что-то и я обозлился. А может, это близость гибели так на меня подействовала? Странно, но шока от пережитого я совсем не чувствую, все опять по-будничному, по-привычному. Не знаю, что и думать. Человеческая душа – потемки.

И все же минувшие события будоражили пылающий мозг. Что со мной произошло? Что именно помогло не погибнуть? Что?

Было время, когда я запоем читал очень неплохо сделанные, замешанные на патриотизме фантастические боевички с крутыми героями – спецназовцами, ставшими в один ряд с волшебниками-волхвами в многовековой, не одно тысячелетие идущей войне с силами зла. Чего в этих книгах много было, так это боевых сцен с детальным описанием стилей,

приемов и комбинаций. Ярко, красочно, сочно. В реальности все оказалось много проще, скупее и отнимало уйму сил. А силы мне потребовались уже на следующий день.

Глава 7

Если прошедшая ночь выдалась не слишком-то спокойной для меня, то утро и день получились гораздо менее опасными и были более насыщенными в плане информации.

Для начала удалось напроситься в гости к артиллеристам. У меня дедушка на войне артрасчетом командовал, а потому тема эта мне всегда интересна. Обхожу батарею, с любопытством смотрю на орудия, которым место в музее, слушаю технические объяснения от прапорщика Герасимова. Вот трехдюймовая пушка с поршневым и клиновым затвором, вот сорокалинейка, вот шестидюймовая гаубица. Вот наши снаряды, а вот трофейные немецкие, покрашенные в синий цвет и прозванные у наших артиллеристов «кряквами» за характерный звук при взрыве. Здесь же впервые увидел картечь. Не обычный снаряд, а именно картечь: двести круглых пуль в свинцовом цилиндре.

– Оболочка разрушается при выстреле нарезками орудия, – объяснял мне Герасимов, – и прямо от его дула брызжет страшный, смертоносный дождь...

И опять я был готов проклинать себя за то, что наговорил лишнего. Захотелось мне выпендриться и порассуждать о возможностях нынешних артсистем. Ведь только спросил, а у прапорщика уже глаза разгорелись. Не иначе увидел во мне родственную душу?.. Так и есть. Тут же началась новая

порция «ликбеза»:

— ...Взять хотя бы нашу обычную трехдюймовку. Внешне она проста, не требует особых мер упрочнения. По баллистическим показателям является чуть ли не лучшей полевой пушкой в мире, но... есть у нее и недостатки: почти полное бессилие фронтового огня ее шрапнели против укрытий противника, ограниченность возможной стрельбы через голову своей пехоты, большая масса...

В общем, Остапа понесло... И не остановить...

— ...Со снарядами тоже неразбериха. Вместо того чтобы все как следует оценить и взвесить, наше начальство оставило нам двадцатидвухсекундную трубку, в то время как нужна тридцатисекундная. Только благодаря последней трехдюймовка способна бить на семь верст...

Выслушивать «лекцию» мне пришлось долго. Прапорщик стал выдыхаться лишь после воспоминаний:

— ...Несмотря на потери от артиллерийского огня, наши стрелки тогда энергично наступали от Рабалина на Малиновку. Германская четырехорудийная легкая батарея открыто выехала на позиции — на холм впереди Малиновки. Этот выезд заметил капитан Колонтаевский, командующий только что переменившей свою позицию батареей, в то время, когда он влезал на дерево на наблюдательном пункте недалеко от своей батареи. Уцепившись одной рукою за сук, а другой рукой схватив бинокль, он скомандовал батарее, только что окончившей построение параллельного веера: «Шестьдесят,

трубка шестьдесят, батарею, правое!» — ...И получил нулевую вилку¹⁷. — «Пять патронов, беглый огонь!» — ...И батарея противника умерла, не успев сделать ни одного выстрела...

Все это, конечно, замечательно, но мне-то оно зачем, когда своих фронтовых воспоминаний теперь выше крыши? Выручил Иваныч — меня желал видеть наш ротный. Отделавшись таким образом от Герасимова, я направился к штабс-капитану Сазонову, предчувствуя очередную перемену, связанную именно со вчерашним происшествием в окопах. Не ошибся я с предчувствиями. Ох, не ошибся.

* * *

Как я уже говорил, наше начальство «квартировало» в занесенном снегом фольварке. Главной достопримечательностью там была баня. Это Акимкин подсуетился. Он до войны работал печником и через Гойду выпросил у Сазонова разрешение устроить баню в одном из домов (говорили, что дом пивовару какому-то раньше принадлежал). Там очень кстати оказался водопровод и склад кирпичей для устройства очага. В два дня баню сделали, но как она выглядела, я не знал. Да мне сейчас и не до мытья. Шедший со мной Гойда рассказал, что у Георгия Викторовича относительно моей скром-

¹⁷ Ситуация, когда при одной и той же установке прицела разрывы снарядов происходят перед и за целью. Иначе говоря, прицел случайно оказывается точным.

ной персоны есть кое-какая мысль. Что же задумал наш ротный? Пока не знаю, но вскоре выясню...

Вместе с Гойдой вхожу в большой двухэтажный дом, напоминающий школу. Внутри уютно и тепло, длинный коридор с дверьми. Гойда куда-то отлучился, но велел ждать. Стою, жду, когда фельдфебель вернется, а заодно урывками слышу неспешные разговоры, раздающиеся за одной из дверей – беседовали, судя по всему, врачи:

– ...Военно-врачебные заведения и мы все созданы на войне как бы с исключительной целью – служить объектами разряда мстительно-злобных чувств, накопленных у военачальников, которые с большей бы производительностью и по надлежащему бы адресу должны быть изливаемы ими уж никак не на нас, врачей, а на врагов, против кого идет война.

– Все больше убеждаюсь, что главные революционеры, губящие Россию, – это наш правящий класс и военная бюрократия с пресытившимся, туго набитым доверху и совершенно глухим к элементарным нуждам народа брюхом. По ампутации гангрены немецкого милитаризма очередной задачей России должна стать и ампутация нашей полицейско-бюрократическо-хамской гангрены правящих слоев, на окопачивании и эксплуатации правящих масс строящих свое благополучие...

Послушать дальше эти крамольные для правящей верхушки речи мне не довелось – Гойда позвал к ротному. Тот обитал в одном из «кабинетов» на втором этаже. Небольшая

комната. Диван. Кресло. В углу стоит шкаф. На столе разложена карта-двухверстка в два цвета. Сазонов склонился над бумагами и настолько был погружен в работу, что не замечал нас, а лишь писал, недовольно ворча себе под нос:

– ...Запасные день ото дня прибывают все хуже и хуже, резервов нет, фланги на весу, ориентировки и сведения о противнике отсутствуют, тыловых путей и этапов не существует. И при этом солдат заставляют заниматься всякой ерундой, будь то лужение котлов или пила дров в ближайшем лесу. Хорошенькое дело, когда такие перспективы...

Оперативно-стратегические рассуждения прервал фельдфебельский бас. Спустя некоторое время очередь дошла до обсуждения вчерашнего подвига Мишки Власова:

– Вот что, братец, в списках на награждение твое имя значится. Заслужил. Однако... – Сазонов сделал многозначительную паузу. – Однако есть и другая новость. Тут ко мне только что приходил поручик Орлов с просьбой принять тебя к нему в команду...

Сюрприз так сюрприз. Поручик Орлов у нас в роте заведует разведкой и всем тем, что с ней связано. Неужели угодила в ротные разведчики благодаря ночному бою и, возможно, своим новым доселе неизвестным возможностям? Кто ж его знает? Еще один подарок, но мне ли его обсуждать, когда любой опыт будет полезен и обязательно пригодится в будущем.

А Сазонов, закончив «официальную часть», перешел к

неофициальной, открыв шкаф и достав оттуда большой баян с тремя рядами клавишей. То, что ротный у нас любит на нем музицировать, я помнил и теперь приготовился стать невольным зрителем и слушателем небольшого «концерта».

— Ну и что же вам сыграть? — Сазонов вопросительно посмотрел на нас, словно ожидая ответа. Гойда если что и мог предложить, то «Комаринского» или «Барыню», а меня черт дернул ляпнуть про «Лунную сонату». Тут же пришлось долго объяснять, откуда я про нее знаю. В итоге соврал, что в госпитале было пианино и на нем много чего играла Гиацинтова и врачи. Сазонов, кажется, поверил, призадумался, приладил ремни, с полминуты пробежался пальцами по клавишам, а после более уверенно начал играть...

Играл он хорошо, душевно. Именно в таком исполнении я как-то услышал эту мелодию на отчетном концерте в нашей детской школе искусств. А теперь слушал ее тут, в начале двадцатого века, вспоминая свое, наверное, уже окончательно потерянное «прошлое». Сердце защемило страшно! Захотелось вдруг взять и все рассказать и Сазонову, и Гойде! Всю правду как есть! О себе, о будущем, о революции, о Гражданской войне!..

Но что-то резко заставило меня сдержаться. Как будто внутренний голос с настойчивостью строгого учителя одергивал, наставлял: «Рано еще говорить, Миша. Рано. Ты поймешь, когда можно...»

«Концерт» продлился недолго.

– Ну, как я играл? – спросил Сазонов. – Хорошо получилось?

– Так точно, ваше благородие, – пробасил в ответ Гойда. – Славно получилось. У меня на хуторе дядька тоже любил на гармони играть, пока жив был.

– Значит, умер дядька?

– Погиб, с турком воюя! Только и успел отцу моему гармонь передать, когда на фронт забирали: «Храни, – говорит, – ее, а как Тарас подрастет – отдай...» С тем и ушел!

– А ты играть умеешь?

– Так точно, умею. Хоть сейчас готов сыграть!

– Сыграй.

– Слушаюсь...

Играл Гойда много живее и задорнее, а меня в это время опять на приключения потянуло. Сидел бы смирно, так нет же, начал напевать. Уж больно мелодия сильно напоминала одну давнюю попсовую песню из девяностых. Разумеется, тут же со стороны Сазонова последовал настоящий «допрос»:

– Сам сочинил?

– Никак нет, ваше благородие. В госпитале услышал и запомнил. Привезли туда однажды по ошибке раненого офицера, вот он ее и пел.

– Написать на бумаге слова сможешь?

– Так точно, смогу.

– Пиши...

Писал я неспешно, намеренно выводя печатные буквы вместо прописных, поглядывая краем глаза на Сазонова и Гойду... Черт! Новоязом же пишу, конспиратор хренов!.. Поздно уже исправлять «сочинение», Михаил Иванович. Поздно...

Когда я дописал и спел весь текст еще раз (уже, что называется, в «полном варианте»), то постарался позабыть об этом футуристическом промахе, чтобы вспомнить о нем уже на Рождество. Но прежде я попал в разведкоманду к поручику Орлову, подготовившему для меня немало новой информации к размышлению.

Глава 8

С чего бы начать рассказ о моем превращении в разведчика? Наверное, с того, кто в этом превращении принял самое непосредственное участие. Прошу любить и жаловать: поручик Орлов Николай Петрович. Родом из Москвы. Сын отставного полковника, окончил Александровское военное училище, служил. Однако в офицерской жизни не нашел удовлетворения и, выйдя в запас, поступил в университет. Отлично окончил филологический факультет, был оставлен на кафедре, готовился стать ученым, но тут началась война. Как офицер запаса Орлов был призван и по собственному желанию получил назначение в пехоту в действующую армию.

Практически с первых же дней на фронте поручик приобрел репутацию прекрасного командира и заботливого хозяина. Строгий и требовательный, он всегда был справедлив и внимателен к подчиненным, никогда не придирался к мелочам, но в то же время отличался непреклонностью в точном исполнении службы. Если прибавить к этому явные (и скрытые) таланты, необходимые для разведчика, то картина станет еще более полной и ясной.

Внешне Орлов ничем не выделялся. Простое, даже простецкое такое лицо со слегка вздернутым носом и небольшими темно-рыжими усиками, пара мелких шрамов на левой

щеке, внимательный цепкий взгляд. Стою перед поручиком навытяжку и все еще толком не могу понять, за какие такие милости меня в команду определили? Орлов начал разъяснения:

– По лицу вижу, что вопросов у тебя накопилось много и главный из них касается нынешнего назначения. Верно?

– Так точно, ваше благородие. Непонятно как-то.

– Видишь ли, в чем дело, Михаил... Всему виной вчерашнее происшествие в окопе. Расскажи, как там все было?..

Рассказываю (куда деваться), а внутри нехорошее предчувствие: неужели меня все же раскусили, неужели поручик каким-то образом догадался, кто сейчас в действительности стоит перед ним?

Однако мои опасения оказались напрасными, и тайна пока оставалась тайной. Интерес же Орлова был вызван совсем другими соображениями. Стоило мне дойти до схватки с громилой-немцем, как поручик резко прервал повествование:

– А вот теперь расскажи поподробнее, что произошло с тобой дальше. Только ничего не упускай из виду...

Едва я завел речь о боевом трансе, пытаюсь все объяснить как можно более простыми и доступными словами, Орлов опять меня перебил:

– Вот. Что и требовалось доказать. Сам не понимаешь, какая сила тебя в бой вела и помогла не погибнуть, а я знаю ответ...

Все же не зря некоторые этнографы, краеведы, а то и просто обычные неравнодушные к наследию предков люди собирают и систематизируют материал, чтобы с другими поделиться. Мне однажды на глаза попался блок статей под названием «Слово о русском рукопашном бое». Только теперь, вдали от дома, здесь, в прошлом, я убедился в том, что изложенные автором сведения и свидетельства не домысел, не пустая болтовня, а правда. Но пришло это понимание лишь тогда, когда я начал постигать премудрости ремесла разведчика, приобретая новый и, как позже выяснилось, бесценный боевой опыт.

* * *

Как обучают солдат в царской армии? Вроде бы по приказам, требующим «при обучении нижних чинов, будь то молодые, старослужащие, учебной и других команд, придерживаться системы показов и бесед», основными задачами ставя «воспитание солдата в преданности царю и своему долгу, выработку в нем строгой дисциплины, обучение действию оружием и развитие физических сил, способствующих перенесению всех тягот службы». Все так? Почти. Как оказалось, многое зависит от учителей, а не от приказов. А поскольку с учителями мне везло, то повода для беспокойства пока нет. И все же...

С курсом молодого разведчика в команде строго. Большой

частью он состоял из элементов: изучения оружия и приемов пользования им, действия штыком, перебежек, строевой подготовки и внутренней службы. И занятия тут с каждым шли индивидуальные, а в моем случае еще и с поправкой на возраст и способности. Но гонять меня с первых же дней начали не слабее остальных. Особенно придирались к умению передвигаться по снегу – в идеале нужно двигаться бесшумно, ловко и быстро. А еще учили проникать сквозь немецкие проволочные заграждения, а тут задача тренировок состояла в том, чтобы преодолеть «колючку» различной глубины в наименьшее время независимо от числа разрезов.

Или еще одно умение – захват «языка». Отрабатывали мы его на соломенном чучеле. Обычно действуют три разведчика: двое обходят с флангов пункт, где располагается неприятельский наблюдательный пост, а третий подкрадывался к нему с тыла. Фланговые прикрывают захватывающего и преграждают наблюдателю путь к бегству, если захват сразу не удался. По знаку командира отделения разведчики бесшумно продвигались вперед и через несколько минут один из них, прыгнув, как кошка, на чучело, хватал его за горло и опрокидывал на землю. Фланговые немедленно приходили на помощь, чучело мгновенно оказывалось с забитым кляпом ртом и связанными руками. «Захват» отрабатывался до полного автоматизма и филигранности.

Про рукопашный бой отдельная и довольно интересная история.

Есть разные на свете секреты, в том числе и семейные. Это для несведущих поручик Орлов обычный офицер, а для сведущих носитель и наследник родовых воинских традиций и знаний, бережно накапливаемых и приумножаемых еще со времен Киевской Руси. Отлично помню самую первую наглядную демонстрацию этих знаний. Выстроенный взвод. Раздается команда Орлова: «Нападение! Десять человек!» Солдаты бросаются к поручику, а тот... через каких-то полминуты оказывается у них за спиной, а затем, прекратив бой, отшучивается: «Если я не справлюсь с пятью и более бузотерами, то пушу себе пулю в лоб». Вот такие есть секретники, частью которых поручик поделился со мной.

«У нас в роду все фаталисты, – говорил он мне. – Когда идешь в бой, помнить нужно главное – победи не врага, а самого себя и уже потом будь отрешенным. Привыкни к тому, чтобы в твоих глазах враг, атакуя на тебя, медленно, целые секунды, поднимал оружие, а у тебя была масса времени для того, чтобы самому одержать верх».

Но это скорее философская часть, а техническая заключается в освоении динамики непрерывного движения и боевого транса на основе владения таинственной *ярью*. Опыт работы с внутренней энергией по китайским и японским методикам у меня уже имелся, поэтому я быстро понял саму суть происходящего и вскоре сожалел лишь о том, что такой человек, как поручик Орлов, не встретился мне раньше, в «прошлой жизни» – знания он давал не просто неоценимые,

а уникальные.

Ну а кроме самого Орлова в «педагогическом коллективе» было еще три человека. Расскажу немного о них.

Чем дальше я узнавал Тараса Гойду, тем больше убеждался, насколько ошибочным может оказаться мнение о том, что этот могучий большой человек внешне неловок, неповоротлив и медлителен. Опасное заблуждение. Очень. Фельдфебель мог совершенно беззвучно двигаться по любой поверхности, ползал как ящерица, а ночью вообще становился «призраком». Отойдя на два-три шага, он как бы растворялся в воздухе, а затем столь же внезапно появлялся вновь невесть откуда.

Унтер-офицер Петр Морозов. Сибиряк. Охотник. Среднего роста, стройный и гибкий, светловолосый, но с черными бровями. Взгляд спокойный, холодноватый. Над твердым ртом с плотно сжатыми ярко-красными губами темнеют небольшие усы. Когда Морозов улыбался, а это случалось нечасто, виднелись ровные желтоватые зубы. Двигался он неторопливо, мягко, эластично и точно: ни одного лишнего движения, все компактно, без суеты. Несмотря на кажущуюся неспешность, у него была поразительная реакция. Всегда серьезный и внимательный, он больше слушал, чем говорил. Отвечать не торопился независимо от значения вопроса и от того, кем он задан. Лишь после небольшой паузы следовал его точный и краткий ответ. Команды и распоряжения Морозов отдавал ровным негромким голосом. И было

в этом голосе что-то чудесное, что-то заставляющее солдат выполнять команды и распоряжения с возможной быстротой и усердием. Настоящий, природный талант командира. Недаром Орлов пророчил ему офицерские погоны и предлагал полковому начальству направить Морозова в школу прапорщиков.

Младший унтер-офицер Иван Голенищев, высокий, худой, но крепкий человек лет за тридцать. Его серые колкие глаза всегда чуть насмешливо светились сарказмом, а лицо, испещренное многочисленными складками кожи и морщинами, делало его старше своего возраста. После Гойды он считался вторым по силе человеком в команде. Всегда точный, исполнительный, держится с большим достоинством, не терпит лжи. В нем чувствовалась огромная непоколебимая уверенность в себе. До войны Голенищев работал слесарем на заводе Гоппера в Москве и, похоже, приобретенными там техническими познаниями и опытом не ограничивался. Мне иногда казалось, что он мог починить что угодно, начиная от обычного винтовочного затвора, кончая однажды застрывшим у нас в распоряжении неуклюжим «руссо-балтовским» авто.

А еще Голенищев числился моим спарринг-партнером, когда Орлов заставлял отрабатывать ту или иную технику боя, среди которых у меня лично особенно хорошо получался «волчок», что было неудивительно, ведь таковой больше подходит именно для подростка, нежели для взрослого че-

ловека. Вскоре мне, в который уже раз, удалось убедиться в том, насколько оказались полезными все полученные мною знания, и произошло это при уже ставших для меня обыденными приключенческих обстоятельствах.

* * *

– Кулак!.. Штык!.. Приклад!.. Штык!.. Приклад!.. – Команды хоть и сменяли друг друга неспешно, но были резкими и быстрыми, как выстрел. Голенищев меня не щадил, вместе с другими «учителями» прекрасно понимая, что при всей своей пока непродолжительной подготовке большие природные таланты добровольца Власова помогают ему двигаться вперед семимильными шагами. Ага! Вундеркинд, блин. Акселерат из другого времени, теперь способный одним резким резонирующим рыком пусковым механизмом превращать себя в боевую машину. Но сейчас эта боевая машина по броне своей получает неслабо.

Удары сыпались градом, а от меня в этот самый момент времени требовалось быть волчком: крутиться, выворачиваться, уклоняться и затем тут же контратаковать, находя брешь в защите. Не бездушный автомат, а боец с «аварийным» поведением. Это когда сознание вырубается полностью и действуешь в полном смысле слова «не помня себя». Ярб помогала, направляла, подсказывала, не давала ошибиться. Я качнулся в сторону, уходя от прямого удара при-

кладом в висок, а сам в полуприседе ткнул локтем в солнечное сплетение. Голенищев отстранился назад. Промых. Снова черед нескольких плавных, но быстрых, как будто сливающихся воедино движений, и Орлов останавливает бой. Из штаба поступил приказ произвести этой ночью усиленную разведку.

– Перед самым Рождеством? – Поручик был явно недоволен, но подчинился. – Что ж, сходите, отчего ж не сходить. Немцам действительно доверять нельзя, они могут и не сдержать обещание не воевать в праздник...

И тут я опять вздумал почудачить. Все же однажды я найду в себе силы, доберусь и окончательно искореню того пакостного негодяя, который сидит в глубине моего сознания и толкает на различные рискованные авантюры. Как вы думаете, что он выкинул на сей раз?.. Правильно – вызвался идти в разведку. Орлов несколько секунд в упор смотрел на меня, о чем-то размышляя, а после коротко бросил:

– Разрешаю.

– Ваше благородие, оставить бы его, – попытался вмешаться Гойда, – ведь он ни разу не ходил к немцу и мал еще, зелен. Обузой нам только будет.

– Не будет, – отрезал Орлов. – Сами уже видели, на что он способен. Не пропадет. Главное, вы глубоко не суйтесь. Посмотрели и назад...

На этом спор закончился, и началась подготовка к ночной вылазке, обещавшей быть хоть и короткой, но насыщенной.

Уже миновал вечер сочельника. Уже зажглась на темном небе первая рождественская звезда, а за ней и другая. Уже в наших окопах солдаты, встав на молитву, пропели «Рождество Твое, Христе Боже наш!» и получили подарки. У немецких окопов было тихо и темно, и только изредка вспыхивала голубым светом летящая вверх ракета вражеского часового, озаряя окрестности. После каждой такой фосфорической вспышки мрак становился еще темнее.

А наш «поход в ночь» начался с переодевания. Это еще хорошо, что кое-кто подсуетился и мне подшили белый маскхалат до нужного размера, а не то получилось бы лучшее в мире привидение с мотором, дикое, но симпатичное. Однако обошлось, привидением не буду...

А вот и сама разведка. Фольварк, окопы, сторожевое охранение – все осталось позади, а впереди виднелась лишь белая равнина, слабо освещенная луной и полуприкрытая туманами. Кругом полная тишина. Гойда, Морозов, Голенищев и я ползем по подмерзшему снегу, зорко всматриваясь в ночь.

– Мишка, гляди в оба, – шепчет Гойда, – сейчас впереди их колючка начнется...

Фельдфебель, уже не раз ходивший по этим «маршрутам», оказался прав – вскоре действительно показались нити колючей проволоки. Будем перекусывать или?..

Как по команде я вместе с остальными припадаю к снегу, едва ухо улавливает странные звуки: кто-то беспокойный и шумный подошел к проволоке с вражеской стороны. Может, германский дозор? Пока не известно. А тут как назло тучи разошлись и начала светить луна!

Благодарю. Тысячекратно благодарю за преподанную разведывательную науку. Без подготовки, пусть и короткой, слиться с местностью мне было бы трудно, а так сугроб себе и сугроб, белый, холодный и безобидный.

Так, наверное, думал и пьяный немецкий солдат, копошившийся впереди. Откуда он тут взялся, не столь важно, а вот шуму наделал много. Шатаясь из стороны в сторону, он пустил в небо сигнальную ракету, задрал кверху голову, наблюдая за вспышкой, гнусаво рассмеялся, а после начал петь песенку, перелезая через проволоку. Зацепился, одежда стала рваться, песня сменилась руганью, что-то звякнуло и упало на снег, снова ругань...

В общем-то, этот ночной гуляка всем своим видом буквально просился в плен, куда и угодил. Взяли мы его быстро и без лишнего шума, чтобы затем вернуться с добычей к своим окопам с такой скоростью, что позавидовал бы и заяц-беляк.

Дальше начался форменный цирк. Взъерошенный и помятый немец стоит навтыжку, понимает, что он в плену, но еще не отрезвел. Зато хоть и со страшным акцентом, но лопочет по-русски и готов ответить на любой вопрос. А вопро-

сы у Орлова имелись, и даже очень:

– Как же ты мог так напиться?

– Прюссикий сольдат ныйикогда нэ бывайт пьянь.

– Понятно... А как в окопах у себя зимуете?..

Немец опять затараторил и рассказал, что живут они в убежищах, забитых солдатами до отказа.

– Ну, должно быть, и едят вас там клопы, – решил съязвить Морозов.

– Не станешь же ты утверждать, что у вас их нет? – с запальчивостью и без малейшего акцента выпалил вдруг в ответ немец¹⁸.

Под общий смех всей команды и пленного бестолковый допрос пришлось прервать до утра. А пока нам всем поступил приказ идти мыться в бане. Беспокойная ночь накануне Рождества продолжалась.

¹⁸ За основу взят реальный случай.

Глава 9

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!..¹⁹

Я и в самом деле чувствую себя сейчас как Василий Теркин, очищающий водой и паром тело и душу от военных тягот. Впервые попал в нашу здешнюю баню, сделанную умельцем Акимкиным. Ну и чудо же это, скажу я вам. В качестве освещения керосиновый фонарь «летучая мышь», и потому все убранство могу рассмотреть как следует. В уютной комнате (бывшей столовой) пристроен к камину очаг для согревания воды в большом котле, в углу стоит каменка из булыжников с железным ковшом. Вместо кутника тут приспособлен опрокинутый ясеновый буфет, на котором можно даже лежать. Вот такая она, русская банька на немецкой земле...

Ух ты! Есть даже березовые веники! Ну теперь попарюсь! — Мишка, поддай! — басит Гойда, и я охотно беру ковш, чтобы в очередной раз, плеснув на камни кипятка, выпустить порцию пара. Вместе с остальными счастливыми остервенело машу веником, охаживая себя по спине и бо-

¹⁹ Строки из стихотворения А. Твардовского «Василий Теркин».

кам. Удивительно устроен наш организм. Нет ни усталости, ни малейшего желания спать, а есть только кипучая энергия, переполняющая тело. Как же все-таки мало человеку нужно для счастья...

После мытья сам собой в предбаннике завязался разговор.

– Ну что, Мишка, страшно сегодня было в первый раз к немчуре лазить? – спросил Гойда.

– А то. – Я делаю испуганные глаза. – Темно кругом, не видно никого, а тут еще и этот пьяный мычит и бормочет, словно упырь какой.

– Ты что ж, упырей боишься? – насмешливо продолжал наш фельдфебель. – Как бы в потемках не примерещилось чего?

– Впотьмах – и блоха страх, – важным тоном мудреца изрек Морозов, чтобы тут же снова замолчать.

– Ну, хватит уже про страхи всякие болтать, когда праздник святой, – отрезал Гойда. – Лучше о нем думать надо и о победе.

– Скоро ли она? – с грустью произнес Голенищев.

– Спроси, что полегче... – Морозов мечтательно вздохнул: – Мишка, а Мишка, может, ты знаешь?

– Знаю, – ляпнул я, особо не думая после банного блаженства о том, что опять способен наговорить лишнего. Нужно срочно подтянуть самодисциплину, Михаил Иванович, а то однажды получится крупный прокол и вас рассекретят...

Обошлось. Выболтал немного, все больше рассуждал и

намекал о предстоящих трудностях на фронте, но говорил так увлеченно, что меня не перебивали. Лишь под конец я немного сбавил темп и притих, самому стало тоскливо от ощущения скорого и не слишком-то радостного будущего. Голенищев решил разрядить обстановку:

– Уж больно ты, Мишка, умом ворочаешь. Будешь вот так умом раскидывать, душа обомлеет. Такое представится, что самому себе чужой станешь. Ты свое примечай, а с судьбой не спорься. Лбом стены не пробьешь... И крови-то не давай схолодиться. Война дух веселый любит. А на все стонать да вздыхать – силы не станет...

– Не бойся, – добавил Морозов, – держись всегда за нашего брата солдата. Он тебя и в бою защитит, и от непогоды укроет, и накормит, ежели понадобится. Народ, брат, – это все. За тебя народ, и все тебе удастся. Не с тобой – и ты как столб одинокий на дороге. Держись за народ и будь с народом. Теперь ты попробовал солдатской доли и знаешь, как много у солдата забот, да не говорит он о них никому. Воюет он, а дома, глядишь, семья: жена, ребята. Может быть, кушать им нечего, он один был кормилец. Нужна мужику и рабочему война как собаке шестая нога. Наши победят или немцы, все равно мужику несладко было, несладко и останется. Рабочий как перебивался с хлеба на квас, так и после войны перебиваться будет, если еще не убьют или, спаси бог, не изувечат.

Так вот.

– За народ держись, Миша, к солдату будь ближе, – произнес напоследок Гойда. – Помни: один человек легко ошибиться может, а народ, что бы ни делал, к правде идет. Размышляй, брат, обо всем. Время такое...

На этой философско-политической ноте наш разговор и завершился, а дальше настало утро и пора праздника.

* * *

Праздник как праздник – поздравления, пожелания, радостные вести о том, что турки разбиты Юденичем под Сарыкамышем, и... песни. Особые песни. Нужно было видеть, как засветились лица наших офицеров, когда Сазонов, вооружившись своим неизменным баяном, размеренно затянул на морозном воздухе:

Притомился ангел мой,
В небесах летая,
Ночью погрузил со мной,
А к утру растаял...²⁰

Вот она, моя неосторожность. Ну чего теперь говорить. Думаю, что будущее на подобный «плагиат» на меня не обидится. Радуюсь вместе с остальными, а рядом в это время происходит примечательный разговор между поручиком За-

²⁰ Песня «Ночь накануне Рождества», музыка и слова К. Меладзе.

метовым и каким-то незнакомым мне молодым офицером того же звания и с «Георгием» на груди. И разговор этот имеет самое прямое отношение к нынешней моей фронтовой специальности:

– ...На своей практике я не один раз убедился, что далеко не каждый человек может быть разведчиком, даже если он бесстрашен, ловок, силен, имеет хорошо развитый слух и отличное зрение, – рассуждал собеседник Заметова. – Поначалу мне тоже казалось, что так называемые лихие ребята наиболее подходят для разведки. Вскоре мне, однако, пришлось от этого мнения отказаться, так как я дорого заплатил за него потерей двух прекрасных людей. С той самой поры к лихим ребятам я отношусь очень недоверчиво. Человек, стремящийся получить награду и ради этого готовый идти на самые рискованные дела, любитель сильных ощущений теперь для нас лишний. Такого типа люди по своему характеру неспособны к длительной и скучной работе по овладению техническим мастерством. Они склонны к всевозможным шумным предприятиям, ярким эффектам, к позам. Ну а с такими качествами разведчиком быть нельзя.

– Позвольте, позвольте. Я не согласен, ведь бесстрашие, дерзость, риск, бесшабашная удаль – все эти качества крайне необходимы любому разведчику. Возьмите хотя бы исторические примеры и героев прошлого: Сеславин, Фигнер, Давыдов в Отечественной войне двенадцатого года. Или лихой матрос Кошка в Севастопольскую оборону и наши пласту-

ны-кавказцы. Везде и всюду дерзость, риск, исключительное бесстрашие. Нужно ли людей, отмеченных такими дарами природы, заменять тихими, скромными работягами? На одной лишь технике выполнения приемов далеко не уедешь. Способность дерзать, все ставить на карту – это лучшие стороны человеческого духа...

– Видите ли, – не дав закончить договорить Заметову и все так же не торопясь, продолжал поручик, – не всякий риск хорош и оправдан. Я не отрицаю допустимость риска, но бесшабашная удаль, как вы определили некоторые качества, необходимые разведчику, в большинстве случаев есть простое безрассудство. Разведчику нужно иметь горячее сердце, но при этом носить на плечах и холодную голову. Тогда и горячее сердце дольше будет биться в отважной груди.

Главное же заключается в том, что условия войны теперь совсем не те, что были даже двадцать лет тому назад, не говоря уже о весьма отдаленной эпохе Отечественной войны двенадцатого года. И военная техника, и орудия убийства чрезвычайно сейчас усовершенствовались. Я отдаю должное отваге, героизму и самопожертвованию перечисленных вами героев. Но ведь Давыдов имел дело с ружьем, стрелявшим на двести шагов, а отважный Кошка пробирался в окопы англичан, к тому же плохих солдат, не встречая никаких препятствий, кроме необходимости преодолевать пространство. Нам же приходится иметь дело со скорострельным автоматическим оружием, на нашем пути встают проволочные за-

граждения, ракеты, прожекторы, дистанционные огни. Все это техника. А против техники нельзя идти с одним бесстрашным сердцем, с сильными руками да с готовностью положить свой живот за престол и отечество. Дни военной романтики безвозвратно миновали. Поэтому, чтобы победить технику, нужно ей противопоставить, по крайней мере, такую же технику. И чтобы бороться с техникой, простите за повторение, нужен подготовленный во всех отношениях техник...

Вскоре к беседе присоединился Орлов. Речь зашла уже о нашей команде и ее подвигах. А еще через десять минут я вместе с остальными стоял перед «гостем» и чувствовал себя крайне неуютно. И вроде бы причин для беспокойства особых нет, но вот взгляд начальника команды разведчиков восьмого Финляндского стрелкового полка поручика Пунина мне не понравился. Бегло пробежавшись по Гойде, Морозову и Голенищеву, поручик почему-то задержался именно на мне. Не люблю, когда так смотрят. Цепко, внимательно, в самую душу пытаюсь забраться. Пунин «сверлил» меня глазами всего секунд пять, но эти секунды мне показались целой вечностью. Одним словом, был я не в своей тарелке...

Пунин... Пунин... Где-то я уже слышал эту фамилию и видел это лицо... Точно. Это тот самый атаман Леонид Пунин, которому в будущем предстоит возглавить знаменитый отряд²¹. Ну и ну. На фотографии он кажется не столь опас-

²¹ Речь идет о т. н. «отряде атамана Пунина» (1915–1918 гг.) – одном из наи-

ным, нежели в реальности... Наконец-то отошел в сторону. Но мне все равно не по себе.

А тут еще новости: наш полк приказом переводился в резерв, а Рублевскому после шести непрерывных месяцев пребывания на фронте наконец-то удалось выбить себе у начальства пусть короткий, но отпуск домой, в Москву. Уж не знаю, каким боком и для чего ради, но комполка уговорил поручика взять и меня с собой погостить. Вот такой очередной мне сюрприз жизнь подкинула. И протестовать я не стал. Зачем, когда появилась возможность посмотреть на дореволюционную Москву и встретить там приближающийся старый Новый год? К тому же в резерве все равно скучно, а так...

Уже через час я и Рублевский стояли на вокзале военной станции с названием Тольмилкемен. Туда-сюда сновали по рельсам рабочие в полушубках, всюду были видны жандармы, следившие, чтобы в вагоны (или из них) не проскочил какой-нибудь штатский «заяц». Смотрели не зря. Едва к дрожащей платформе подошел очередной поезд и раздался свисток, как неподалеку началась какая-то суматоха. Позже выяснилось, что пара жандармов никак не могли убрать с путей истеричного вида дамочку, тайно пробиравшуюся на передовую к мужу. Та вцепилась в рельсы, словно кошка, и отступать от намеченного явно не собиралась. Жандармы все

более известных партизанских формирований Первой мировой войны, а в дальнейшем первом отряде специального назначения РККА. Сформирован штабом Северного фронта 26 ноября 1915 г. из числа офицеров и нижних чинов, большинство из которых были георгиевскими кавалерами.

же справились с задачей оттащить даму от рельсов.

– Что тут сказать? – улыбнулся Рублевский, когда и мы зашли в вагон. – Почти как по Толстому: «Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона»²²...

Но в отличие от госпожи Карениной здесь все обошлось хорошо, а мы едем в Москву. Ведь так?

– Так точно, ваше благородие, – ответил я, – и...

– Отставить уставные нудности, – наигранно сурово приказал поручик. – Мы не на вахтпараде. Можешь называть меня просто Игорь Анатольевич.

«Ну Игорь Анатольевич, так Игорь Анатольевич», – согласился я. Тут же немедленно начался долгий разговор, к которому присоединились и наши попутчики. В общем, все как в песне дорожной:

Вагонные споры – последнее дело,
Когда больше нечего пить,
Но поезд идет, бутыль опустела,
И тянет поговорить...²³

²² Л. Н. Толстой. «Анна Каренина».

²³ Песня «Вагонные споры», музыка А. Макаревича, слова А. Кутикова.

Глава 10

Упаси вас бог ехать в одном поезде с болтуном. И речь идет не о Рублевском и не о молчаливом артиллеристе капитане Белове. Речь идет о военном враче Сигезмундове. О, от этого типчика уши начинают болеть быстро – болтает так, что любую бабу базарную переплюнет. Плюс внешний вид. Лысина блестит, усишки дергаются, плутовские глазенки мелькают – ни дать ни взять Паниковский на «Антилопе Гну». Однако он весьма начитанный человек и помешан на истории античности и Древнего мира. И ведь приходится слушать, поддакивать, погружаться в глубь веков.

– ...Как-то меня заинтересовал один эпизод из жизни Клеопатры и ее любовника Антония. Историкам известно, что Антоний всегда славился своими пирами и ужасно любил похвастаться изысканными яствами, подаваемыми на них. Однажды, как гласит легенда, Клеопатра поспорила с Антонием, что он не сможет задать пир, который обошелся бы в десять миллионов сестерциев. Антоний, разумеется, пари принял и уже на следующий день устроил большой и роскошный пир, но Клеопатра привередливо заметила, что пир отличается от прочих лишь количеством еды, а вот сама царица может задать пир, состоящий из одного-единственного блюда, но это блюдо будет стоить десять миллионов сестерциев. Тут же по ее знаку слуги внесли чашу, наполнен-

ную уксусом. Клеопатра вынула из уха жемчужную серьгу и бросила в чашу. Жемчуг в уксусе растворился, и царица выпила этот напиток. Затем она хотела проделать то же самое со второй серьгой, чтобы угостить Антония, но тут знатный римлянин Планк, бывший судьей в их споре, удержал руку царицы и объявил, что Антоний проиграл...

О, великий Ра! Спаси от тьмы Египетской! Но бог Солнца меня, увы, не слышит. Болтовня длилась четыре долгих часа с остановками, пока, наконец, беспокойный попутчик не сошел на станции. Надеюсь, что называется она «Арбатов», и там сыну лейтенанта Шмита будет оказан должный прием.

А мы едем дальше. Рублевский начал рассказывать мне про Москву. Про этот древний город. Он мне знаком, но только в двадцать первом веке. Шумный Казанский вокзал, толкучка, эскалаторы метро, центральный Арбат и пригородное Тучково. Все это будущее Москвы, а что же ее прошлое (то есть настоящее)? Его я пока не знал. Читал о нем много и теперь, внимательно слушая поручика, припоминал прочитанное и мысленно представлял себя, теперешнего, на московских улицах. Воображение заработало на все сто процентов. Картина получалась пугающе живой и реалистичной.

Вот я сижу на скамеечке возле Патриаршего пруда, затем встаю и начинаю прохаживаться по Козихинским переулкам, по Козихе, где всегда полно студентов, где есть дешевое, но приличное жилье.

Но долго на Козихе не прстоишь. Ноги уже сами несут вперед. Не замечаешь, как оказываешься на Лубянской площади, где стоят здания страхового общества «Россия» и дом Московского купеческого общества, а в самом центре много лет бьет фонтан работы Ивана Витала.

Если двинуться от Лубянки южнее, то попадаешь на Волхонку²⁴, где сорок пять лет гордо и величественно возвышается храм Христа Спасителя, возведенный по проекту Константина Тона. Огромным кажется тот храм, а места занимает в полторы тысячи квадратных саженей и вмещает семь с лишним тысяч прихожан. Заходят они в храм, крестятся, слушают музыку церковного композитора Костальского, голоса Шаляпина и Розова²⁵.

Если на север от Лубянки пойти, то выйдешь на Сретенку, где виднеется Сухаревская башня, бывшая когда-то прибежищем русского Фауста и «птенца гнезда Петрова» – чародея и чернокнижника Якова Брюса. Тут не место для дворянских особняков или богатых магазинов, тут царство мелких лавочников и купцов. Из-за большой доходности земли по всей улице дома расположились так плотно друг к другу. И сколько по Сретенке ни иди, а ворот не увидишь. Хочешь въехать во двор – проезжай с соседней улицы.

По соседству со Сретенкой стоит Трубная площадь, она

²⁴ Ныне ул. Пречистенка.

²⁵ Константин Васильевич Розов (1874–1923) – священнослужитель Российской православной церкви, Великий архидакон (1921).

же Труба. Там Птичий рынок. Дальше здание ресторана и гостиница «Эрмитаж». Между Цветным бульваром и Трубной улицей возвышается трехэтажный дом Внукова. Это сейчас в доме магазин, а в прежние времена на первом этаже гудел, шумел, пьянствовал разбойный трактир «Крым». Дурную славу имел тот притон, только фартовые ребята и рисковали соваться в его подвалы «Ад» и «Преисподняя»²⁶. И хотя давно уже нет «Крыма», житель московский помнит былое и спешит прочь от этого места. Спешит и попадает в Охотный Ряд, где находится чугунная часовня святого Александра Невского. Дорога эта часовня для героев отгремевшей уже русско-турецкой войны. Приходят они сюда, вспоминают павших товарищей и не знают, что восемь лет еще часовня стоять будет и глаз радовать, а затем конец ей настанет²⁷.

А еще охотнорядные места славятся своим изобилием, хлебосольством и сытностью. А вот если не понравился местным молодцам, тогда не взыщи. Вскочат, заорут: «Бей жида, бей очкарика!» – беги тогда от этих погромщиков и реакционеров что есть мочи.

²⁶ Подвалы «Крыма» действительно носили такое название, поскольку в них собиралось преимущественно городское дно: уголовники, люмпены, деклассированные элементы и пр. Примечателен и тот факт, что с «Адом» было связано первое покушение на императора Александра II (4 марта 1866 г.). Именно в «Аду» разрабатывался план покушения.

²⁷ Возведенная в 1883 г. часовня была снесена в ноябре 1922 г., став первым храмом, уничтоженным советской властью.

Бежишь, а перед глазами мелькает Большая Никитская, где Московский университет, Консерватория, Зоологический музей...

И повсюду вместе с тобой бежит, несется толпа московского люда – эта живая река, поток, масса, подчиненная ритмам города. Все такие разные и непохожие друг на друга. Суровые дворники с метлами и бравые городовые в начищенных до блеска сапогах, услужливые мелкие торговцы и солидные купцы, бесцветные служащие в вицмундирах и нарядные офицеры с гвардейскими погонами, простецкие мещане в поношенных пиджаках не первой свежести и надутые буржуа в дорогих костюмах, сшитых на заказ по последнему писку моды. Совсем иной люд обитает на Пресне. Там бойкие и хитрые лоточники с Тишинки о чем-то весело переговариваются с шумными и веселыми цыганами. Еще дальше заводские районы первой Пресненской части. Там уже опасно. Там Трехгорка и рабочий поселок, где царят грязный мат, нищета. Там местная шпана и урки сходятся в жестоких уличных побоищах, а нож и свинчатка дело обычное. Там живут «по понятиям», и даже полиция предпочитает бывать лишь по крайней надобности.

Есть, правда, среди московского люда и некий контраст. Остановишься, бывало, а мимо тебя с гиком и ором пронесется мальчишка-газетчик, не обращая внимание на недовольное ворчание мамок и нянек, мирно гуляющих с нарядными дитятами по бульвару на Патриарших прудах или по

Собачке²⁸.

Но очень скоро весь этот древний русский город с его стариной и неповторимым бытом навсегда изменится. Москву, как и всю Россию, будет ожидать пора исключительно суровых жизненных испытаний, итоги которых устроят далеко не всех. Что-то навсегда сломается в том старом, патриархальном и незыблемом мире под названием «православная и монаршая Россия», что-то лопнет, что-то выскочит. Переменится абсолютно все. И те, кто не примет эти перемены, будут либо беспощадно раздавлены новой «красной» эпохой с ее реалиями, либо покинут родину, начав собирать жизнь заново по крупицам на чужбине, в эмиграции.

От подобных мыслей мне становилось не по себе, но отделаться от них не получалось даже тогда, когда после неблизкого пути старая Москва предстала предо мной во всей своей красе. Теперь я воочию наблюдал за ее нынешней, военной жизнью, и с каждым последующим мигом эта жизнь все меньше и меньше нравилась мне. Слишком уж много на московских улицах попадалось опасных и губительных для империи противоречий.

²⁸ Она же Собачья площадка – площадь в Москве, уничтоженная в 1962 г. при прокладке ул. Новый Арбат.

Глава 11

– Домой еще успеем, а пока я покажу тебе город...

С этой, как мне показалось, странной фразы Рублевского началось мое знакомство с дореволюционной Москвой. Иду рядом с подпоручиком, глазею по сторонам, дышу морозным воздухом, удивляюсь и жадно, как губка, впитываю информацию. Не город, а один сплошной медпункт. Госпитали, больницы, лазареты размещались везде, где только было возможно: в монастырях, народных домах, в музее Александра Второго, в ресторанах и трактирах. «Эрмитаж», «Туллон», «Аркадия», «Золотой якорь», «Фантазия» – все забито ранеными. Даже в Петровской подъездной, служившей по традиции на время коронации резиденцией русских царей, и там провели водопровод, канализацию и электричество. Еще Сигезмундов в поезде говорил, что там уже триста с лишним коек стоит. И все пациенты каждые две недели обязаны пройти медкомиссию в эвакуационном пункте, а это мало того что за городом, куда извозчик берет не меньше пяти рублей в один конец, так еще и на третьем этаже, куда ведет обледенелая лестница без перил. Походи-ка по такой с костылями!

А после и другая пытка: отбивайся от комендантства, словно шарманка выводящая одно и то же: «Когда вы отправитесь в свою часть на фронт?»

А сам фронт в это время уже вовсю производит офицеров²⁹ и возраст тут не помеха. Как будто не замечая меня, юного добровольца, толпа москвичей окружила молоденького подпоручика.

– Какой контраст, – восхищалась одна из дам. – Папаха, сурово нависшая над бровями, и эти глаза, такие безмятежные, юные, с золотыми огоньками.

– Георгиевский крест, кожаные ремни на детских плечах. Да сколько же ему лет? – спрашивала другая. – Должно быть, это самый юный офицер в нашей армии.

– Он очень юный, – со знающим видом отвечала третья. – Ему пятнадцать. Бросил гимназию и отправился на фронт добровольцем.

– Откуда знаете?

– Он уже все сам рассказал: крест и унтер-офицерский чин у него за то, что он вместе с пятью товарищами провел удачную разведку и захватил австрийскую батарею. А в одном из боев, когда выбыли из строя все офицеры, он поднял роту в атаку и захватил вражеский окоп – вот откуда и погоны подпоручика. Стал офицером за этот смелый подвиг³⁰.

– Не горюй, Мишка, – слышу я утешение от Рублевско-

²⁹ В сентябре 1914 г. специальным императорским приказом было введено производство офицеров прямо на фронте. Командующие фронтами или армиями получали право без экзаменов производить в прапорщики рядовых и унтер-офицеров, показавших в боях храбрость и имевших соответствующий образовательный ценз. Царь затем лишь утверждал списки высочайшим приказом.

³⁰ За основу взят реальный случай.

го, – будешь и ты однажды офицером...

Конечно, буду, когда кругом такие молниеносные изменения происходят. Чего только трамвайное новшество стоит. Это для меня, человека двадцать первого века, многие из нынешних нововведений кажутся привычными, в чем-то даже наивными, но не для московского обывателя образца тысяча девятьсот пятнадцатого года. В нынешних трамваях пока еще сидят³¹, а кто-то предпочитает ездить «зайцем», совсем не обращая внимания на «синих баб» (женщин-кондукторов), заменивших призванных на фронт мужей. Для царской России диковина. С черной кожаной сумкой на ремне через плечо (это для денег), деревянной колодкой (а это для билетов), наделенные «всею полнотою власти», они не считаются ни с кем. Сколько возмущения, должно быть, у пассажиров случается, когда они слышат возгласы:

– Местов нет. Видите – вагон неукomплектованный... Куды прешь!.. Поучи, поучи меня звонок давать!.. Это я ничего не сделаю?!. Городовой, веди его в участок, не сдается на волю победителей! Пусть часик-другой взаперти посидит...

³¹ По правилам, внутри салона дореволюционных трамваев стоять воспрещалось. Этот запрет был отменен лишь в 1915 г. вследствие сильно увеличившегося населения Москвы и нехватки трамвайного транспорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.